

ХРОНИКИ ИЗЛОМА

КНИГА 1

МЕСТО, ГДЕ ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

ДМИТРИЙ КЕРОВ

Дмитрий Керов

Хроники Излома. Книга 1. Место, где всё начиналось

«Автор»
2026

Керов Д.

Хроники Излома. Книга 1. Место, где всё начиналось /
Д. Керов — «Автор», 2026

После трагического перехода через неизвестный пространственный разлом экипаж колониального корабля «Гелиос» оказывается в незнакомой галактике, населённой могущественными расами. Чтобы выжить, человечеству придётся искать союзников, принимать тяжёлые решения и ответить на главный вопрос: можно ли сохранить свободу, если цена независимости — постоянная борьба за существование?

© Керов Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Эпиграф 5
Глава I. Последний день старого мира. 6
Глава II. Час, когда надежда умерла. 13
Глава III. Когда Вселенная дала трещину. 24
Глава IV. Новый рассвет. 36
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Дмитрий Керов
Хроники Излома. Книга 1.
Место, где всё начиналось

Эпиграф

Каждый мир уверен, что его история — единственная. До тех пор, пока не приходит Излом.

Глава I. Последний день старого мира.

В начале было Слово, и Слово это было… **Излом**.

Впрочем, тогда этого слова еще не существовало. Не было ни ученых, десятилетиями споривших о природе замкнутого измерения, ни историков, разделивших летоисчисление на эпохи до Перехода и после него, ни седых проповедников, уверявших свою паству, что в тот день сама Вселенная впервые явила смертным незримую волю Создателя. Не было городов, поднявшихся над чужими равнинами, не было трех знамен, под которыми спустя столетия собирались потомки спасенных и обреченных, не было даже самого понятия о мире, куда бесследно исчезали корабли, которым судьба уже вынесла окончательный и не подлежащий обжалованию приговор. Был лишь далекий космос, холодный и безразличный к человеческим надеждам, да тяжелый колониальный корабль «Гелиос», медленно и почти величественно рассекавший черноту на окраине давно забытой звездной системы. «Гелиос» не был военным кораблем, хотя нес броню, оборонительные орудия и собственный военный контингент: слишком далеко от обжитых систем лежали миры, куда он доставлял людей. В этом рейсе рядом с военнослужащими жили их семьи; гражданские инженеры, врачи, агрономы, строители и учителя тоже летели с близкими. Одним предстояло защищать будущую колонию, другим — строить ее, и для большинства Эридан-Шесть должна была стать новым домом. За семь часов до того, как привычная Вселенная перестала существовать для всех, кто находился на его борту, жизнь на «Гелиосе» шла своим неторопливым, выверенным годами чередом. В центральных коридорах сменялись вахты, уставшие механики возвращались из машинных отделений, пахнущие смазкой, горячим металлом и той особенной пылью, которая оседала лишь там, где круглые сутки трудились реакторы; в офицерской столовой спорили о результатах вчерашнего матча между командами двух соседних колоний; в медицинском отсеке дежурный врач, не скрывая раздражения, в третий раз объяснял молодому пилоту, что последствия сильного сотрясения нельзя победить одной лишь уверенностью в собственной неуязвимости. Огромный корабль жил так, как живут небольшие города: он просыпался, гудел, сердился, смеялся голосами своих обитателей и бережно нес внутри бронированного корпуса несколько тысяч человеческих судеб, каждая из которых казалась ее владельцу отдельной вселенной, достойной того, чтобы ради нее продолжали вращаться планеты и гореть звезды. Для большинства людей на борту «Гелиос» давно перестал быть просто транспортом. Одни родились на его борту и впервые увидели настоящее небо лишь во время высадки на одной из колоний, другие встретили здесь будущих супругов, третьи похоронили в корабельном колумбарии родителей и теперь, проходя по мемориальной галерее, непроизвольно замедляли шаг возле маленьких металлических пластин с выгравированными именами. Здесь отмечали дни рождения, ссорились из-за очередности отпусков, тайком проносили в жилые сектора домашних животных и каждый раз торжественно обещали командованию, что это больше не повторится. Здесь дети учились ходить в условиях искусственной гравитации, подростки впервые влюблялись, а старики часами сидели возле обзорных окон, глядя в бесконечную ночь и притворяясь, будто просто отдыхают, хотя на самом деле пытались вспомнить, как пахнет дождь на той планете, которую они когда-то называли домом.

Младший специалист связи Андрей Вельский относился к тем немногим, кто еще не успел привыкнуть к кораблю настолько, чтобы перестать замечать его размеры. Он служил на «Гелиосе» всего девять месяцев и до сих пор иногда останавливался в главной галерее, поражаясь тому, как далеко уходят вперед ребристые своды и насколько маленькими кажутся люди на фоне исполинских переборок. В свои двадцать три года Андрей обладал тем особенным выражением лица, какое бывает у молодых мужчин, уже научившихся изображать серьезность, но еще не успевших сделать ее естественной частью себя. Светлые волосы, вопреки требова-

ниям устава, постоянно выбивались из-под форменной гарнитуры, тонкие пальцы были слишком длинными для человека, мечтавшего о карьере военного, а серые глаза сохраняли мягкость, которую старшие товарищи поначалу принимали за слабость, пока не обнаружили, что тихий связист способен просидеть у поврежденного передатчика двое суток подряд, если от его работы зависит возвращение разведывательной группы.

В тот день Андрей проснулся раньше сигнала, несколько минут лежал неподвижно, слушая размеренное гудение вентиляции, а затем осторожно достал из-под подушки личный терминал. Почта обновилась еще ночью, но он не открывал сообщение, решив оставить его на утро, как оставляют к чаю любимое пирожное, заранее зная, что именно оно сделает обычный день немного лучше. На экране появилась молодая женщина с растрепанными темными волосами; она сидела на полу маленькой квартиры, придерживая за талию девочку в желтом комбинезоне, которая упрямо пыталась встать, всякий раз опрокидывалась назад и сердито хлопала ладонями по мягкому покрытию, словно оно одно было виновато в несовершенстве ее равновесия.

— Смотри внимательно, папа, — шепотом произнесла женщина, одновременно обращаясь и к камере, и к ребенку. — Мы тренировались весь вечер. Алиса, скажи папе. Ну же, солнышко.

Девочка посмотрела прямо в объектив, нахмурилась с той неподдельной серьезностью, на которую способны лишь дети, еще не научившиеся скрывать усилие, а затем разжала губы и произнесла нечто неразборчивое, отдаленно напоминавшее слово «дай». Молодая женщина рассмеялась, девочка тоже засмеялась вслед за ней, хотя явно не понимала причины, и запись закончилась на том, что обе потянулись к камере, превращаясь в размытое пятно из рук, волос и счастливых лиц. Андрей просмотрел сообщение четыре раза. После второго просмотра он уже знал, что дочь не сказала «папа», как обещала жена, после третьего понял, что ему совершенно все равно, а после четвертого поймал себя на том, что улыбается в темноте так широко, как не улыбался со дня отбытия. Он коснулся пальцем изображения дочери, хотя прекрасно понимал всю бессмысленность этого жеста, и в течение нескольких секунд позволил себе представить возвращение: знакомый космопорт, толпу у выходных шлюзов, жену, которая сначала бросится ему навстречу, а потом непременно отступит на шаг, чтобы проверить, не похудел ли он, и маленькую Алису, слишком долго разглядывавшую отца лишь на экране, чтобы сразу признать в незнакомом мужчине того самого человека, чье имя мать повторяла ей каждый вечер.

Ему оставалось служить одиннадцать месяцев.

В двадцать три года одиннадцать месяцев казались сроком серьезным, но все же вполне обозримым. Их можно было разделить на вахты, на редкие сеансы связи, на обязательные проверки, на дни до очередного письма и на недели до первой настоящей встречи с дочерью. Андрей еще не знал, что в его прежней жизни не осталось даже одиннадцати часов. К началу утренней вахты о записи уже знал весь узел дальней связи. Андрей не собирался никому ее показывать, однако старший оператор Левин заметил его неприлично довольное лицо, вытащил правду несколькими наводящими вопросами и через десять минут громогласно объявил, что Вельский наконец получил официальное подтверждение собственного отцовства. Запись передавали от терминала к терминалу, люди улыбались, поздравляли Андрея с первым словом дочери, хотя никто толком не расслышал самого слова, и спорили о том, на кого похожа девочка. Кто-то уверял, что у нее отцовский подбородок, другой возражал, что в таком возрасте все дети похожи на недовольных старших офицеров, а Левин с видом опытного знатока заявил, что главное сходство заключается в способности смотреть на окружающих так, будто они уже успели ее разочаровать.

— Вернешься домой — не узнает, — сказал он позднее, когда остальные разошлись по местам и в помещении остались лишь тихое мерцание экранов да мерный стук пальцев по

сенсорным панелям. — Первые недели будет к матери жаться. Дети они такие: фотографию знают, голос знают, а живого человека боятся.

— Спасибо, обнадежил.

— Я тебя не пугаю. Говорю, как будет. Зато потом пройдет месяца два — и уже в уборную без нее не уйдешь. Будет за тобой по всей квартире хвостом таскаться и задавать вопросы, от которых ни один бортовой интеллект не спасет. Я когда с первого дальнего рейса вернулся, мой старший три дня ко мне не подходил. А потом решил, что я его личная транспортная платформа. Полгода на плечах возил.

Левин рассказывал это с добродушным ворчанием человека, для которого семейные неудобства давно стали самой дорогой частью жизни, и Андрей слушал, стараясь запомнить каждую мелочь, словно старший оператор уже побывал в его будущем и теперь невзначай делился увиденным. Он представлял теплую тяжесть дочери на плечах, маленькие пальцы, цепляющиеся за волосы, смех жены и обычную домашнюю усталость, к которой сейчас тянуло сильнее, чем к любым наградам, повышениям и дальним звездам. В центральном командном отсеке тем временем капитан первого ранга Михаил Арсеньевич Воронцов заканчивал утренний обход. Он служил во флоте сорок два года, командовал «Гелиосом» последние двенадцать и за это время приобрел репутацию человека, способного одним взглядом обнаружить расстегнутый воротник у матроса на противоположном конце ангара. Курсанты боялись его густых седых бровей, младшие офицеры — долгих пауз, которыми он предварял замечания, а старшие командиры знали, что за суровостью капитана скрывается почти болезненная ответственность за каждого человека на борту. Воронцов помнил имена погибших, лично писал письма семьям и однажды задержал отправление корабля на три часа лишь потому, что у молодого механика родился сын и капитан счел бесчеловечным уводить корабль до завершения сеанса связи.

Возраст не согнул его, хотя давно оставил на лице глубокие следы. Морщины расходились от уголков серых глаз, словно трещины по старому стеклу, щеки обветрились еще в молодости, проведенной на станциях с несовершенными системами атмосферы, а тяжелые усы придавали ему сходство с офицерами давно минувших эпох, когда командиры смотрели на поле боя не через тактические экраны, а сквозь дым пороховых залпов. Он ходил медленно, но не из-за слабости, а потому, что никогда не считал нужным суетиться, говорил негромко, заставляя других замолчать, чтобы услышать, и обладал редким умением внушать спокойствие одним своим присутствием. Пока Воронцов оставался на мостике, людям казалось, что корабль не может погибнуть: настолько прочно в их сознании седой капитан сросся с самим «Гелиосом», его массивным корпусом, надежностью реакторов и низким гулом двигателей. В то утро ничто не предвещало катастрофы. Колониальный конвой приближался к системе Эридан-Шесть — конечной точке рейса «Гелиоса». В грузовых секциях находились сборные жилые модули, промышленное оборудование, семенной фонд и все то, без чего подготовленная площадка будущей колонии так и осталась бы отметкой на карте. Военному контингенту предстояло обеспечить безопасность первых поселений, гражданским специалистам — превратить их в место, где можно жить. «Гелиос» сопровождали два легких крейсера, четыре фрегата и несколько разведывательных кораблей. Задача считалась долгой и тяжелой, но не боевой: маршрут был проверен, точка сбора определена, варп-двигатели находились в полной готовности, а ни один из предварительных докладов не указывал на присутствие в системе чужого флота.

Лишь один человек на мостике не разделял общего спокойствия. Старший навигатор Рахманов уже около часа изучал показания дальних сенсоров, то увеличивая отдельные участки карты, то накладывая друг на друга результаты нескольких сканирований. Его худое лицо, обычно насмешливое и подвижное, застыло в выражении сосредоточенной тревоги, а пальцы барабанили по краю консоли с частотой, совершенно не соответствовавшей размеренному ритму работы.

— Что-то нашли? — спросил Воронцов, остановившись рядом.

— Не уверен, господин капитан. На внешней границе системы наблюдается слабое гравитационное возмущение. Оно появляется и исчезает, словно источник периодически перекрывают.

— Естественный объект?

— Поблизости нет ничего достаточно массивного. Возможно, погрешность оборудования, хотя одинаковая ошибка на трех независимых массивах выглядит слишком уж старательной.

Капитан наклонился к экрану. На нем медленно пульсировало едва заметное пятно, настолько бледное, что неподготовленный человек принял бы его за помеху. Воронцов несколько секунд молча смотрел на показания, затем приказал передать информацию кораблям сопровождения и усилить наблюдение, не меняя курса. Он не любил необоснованной тревоги, но еще меньше любил совпадения, которые слишком настойчиво притворялись случайностями. Примерно в это же время в школьном секторе заканчивался урок истории. Учительница рассказывала детям о первых межзвездных перелетах, стараясь представить далекое прошлое живым и понятным, а восьмилетний мальчик с серьезным видом рисовал на полях тетради огромный военный корабль, который побеждал сразу три вражеских флота. В госпитале медсестра Марта Лебедева меняла повязку курсанту с переломом руки и обещала, что к следующей высадке он снова сможет управлять истребителем. На нижней жилой палубе пожилой повар ругался с системой снабжения, отказавшейся выдать дополнительную порцию настоящего кофе для капитанского стола. В техническом отсеке двое механиков спорили о том, кто первым пригласит новую специалистку по реакторным системам на свидание, не подозревая, что сама специалистка слышит каждое слово через открытую вентиляционную панель и беззвучно смеется, прижав ладонь ко рту. Сотни маленьких историй продолжали разворачиваться одновременно, переплетаясь в одно огромное, живое полотно, которое люди по привычке называли корабельной жизнью. В нем не было ничего героического, и именно поэтому оно было бесконечно дорогим. Люди откладывали разговоры, мирились и снова ссорились, строили планы на отпуск, обещали позвонить родителям, когда связь станет устойчивее, и сохраняли для особого случая бутылки, подарки или слова, которые боялись произнести слишком рано. Никому не приходило в голову, что особый случай уже приближался к ним из темноты, набирая скорость и закрывая собой звезды.

Первый сигнал тревоги прозвучал в одиннадцать сорок три по корабельному времени.

Он не был похож на привычный вой учебной сирены. Низкий, тяжелый звук прошел по палубам, отозвался дрожью в переборках и заставил людей замереть еще до того, как бортовая система ровным женским голосом объявила боевую готовность. На несколько мгновений «Гелиос» словно задержал дыхание, а затем весь корабль пришел в движение. Коридоры наполнились бегущими людьми, герметичные двери начали закрываться, отсекая секции друг от друга, в ангарах вспыхнули направляющие огни, а пилоты, еще не успев застегнуть воротники комбинезонов, спешили к ожидавшим их машинам. Андрей вскочил из кресла так резко, что зацепил коленом нижнюю панель. Личная фотография дочери исчезла с экрана, уступив место потокам служебных сообщений. На схеме системы одна за другой зажигались красные метки, поначалу редкие, затем столь многочисленные, что казалось, будто сама карта начала кровоточить.

— Откуда они взялись?.. — прошептал кто-то за соседней консолью.

Левин не ответил. Его добродушное лицо стало неподвижным, а в глазах появилось выражение, которого Андрей прежде никогда не видел. Старший оператор склонился над панелью, пытаясь пробиться к кораблям сопровождения, но эфир уже захлебывался от переговоров, тревожных докладов и помех неизвестного происхождения. Поступавшие данные противоречили друг другу: одни сенсоры показывали противника на внешней границе системы, другие обна-

руживали его почти вплотную к конвою, словно вражеские корабли каким-то образом возникали из пустоты, минуя пространство между точками.

— «Северный ветер» вызывает «Гелиос»! Множественные контакты, сектор четыре-девять! Они выходят прямо из...

Передача оборвалась на полуслове. В наушниках раздался треск, затем короткий, похожий на далекий гром удар, после которого канал наполнился мертвым белым шумом. Андрей несколько раз вызвал фрегат, хотя уже видел на тактической схеме, как зеленая отметка «Северного ветра» дрогнула, разделилась на несколько слабых сигналов и погасла. Он знал, что на фрегате служит девушка из их выпуска, тихая рыжеволосая Настя, которая во время обучения постоянно забывала закрывать личный шкафчик и однажды принесла на экзамен два разных ботинка. Еще минуту назад она наверняка сидела перед похожей консолью, слышала те же голоса и, возможно, пыталась вызвать «Гелиос», надеясь, что кто-нибудь ответит.

Теперь отвечать было некому.

Первый удар пришелся в левый борт.

Многокилометровый корабль содрогнулся так, будто налетел на невидимую стену. Свет погас, аварийное освещение вспыхнуло багровым заревом, а люди, не успевшие закрепиться, полетели на пол. Где-то лопнуло стекло, посыпались искры, и Андрей на мгновение потерял ощущение верха и низа, пока искусственная гравитация судорожно пыталась восстановить равновесие. По внутренней связи почти сразу посыпались сообщения о повреждениях, слишком многочисленные и произносимые слишком быстро, чтобы человеческий разум мог вместить их все одновременно.

«Разгерметизация в шестнадцатом секторе».

«Пожар на второй грузовой палубе».

«Нарушение охлаждения маршевого реактора».

«Медицинским бригадам следовать в жилой блок три».

«Экипажам спасательных постов занять позиции».

Воронцов удержался в капитанском кресле, обеими руками вцепившись в подлокотники. На мгновение его лицо исказилось от боли — ремень безопасности сдавил грудь, — но уже через секунду капитан снова был собран и спокоен, словно удар пришелся не по кораблю, которым он командовал двенадцать лет, а по какой-то безымянной тренировочной мишени.

— Маневр уклонения. Всем кораблям — рассредоточиться и готовиться к варп-переходу. Передать координаты точки сбора.

— Каналы забиты помехами!

— Используйте направленные лазерные передатчики.

— Противник блокирует сектор отхода.

— Тогда найдем другой.

Он говорил твердо, не повышая голоса, и эта спокойная уверенность передавалась людям надежнее любых приказов. Пока капитан продолжал требовать доклады, выбирать курс и отдавать распоряжения, происходящее казалось лишь сложной задачей, для которой обязательно существует решение. Офицеры работали, навигаторы искали свободный коридор, артиллеристы разворачивали башни, а пилоты покидали ангары, чтобы встретить врага в черноте космоса.

Но красные отметки продолжали прибывать.

Они окружали конвой медленно и неумолимо, как вода окружает человека, провалившегося под лед. Один за другим исчезали корабли сопровождения. Фрегат «Громовержец» успел передать сообщение о тяжелых повреждениях и попытке прикрыть отход «Гелиоса», после чего его реактор вспыхнул маленьким искусственным солнцем. «Александрия» потеряла управление и, вращаясь, ушла за пределы сенсорного обзора. Разведчик «Стриж» начал варп-переход, но в самый момент разгона попал под огонь; пространство вокруг него на секунду исказилось, а

затем на месте корабля осталась лишь полоса раскаленных обломков, растянувшаяся на сотни километров.

В центральном узле связи Андрей слышал их всех. Отрывочные фразы, крики, доклады, молитвы, ругань, попытки сохранить достоинство и сорвавшиеся голоса людей, которые внезапно понимали, что произносят последние слова в своей жизни. Он слышал командира «Громовержца», приказывавшего экипажу покинуть корабль, хотя спасательным капсулам некуда было уходить. Слышал пилота, просившего навести его поврежденный истребитель на вражеский крейсер. Слышал незнакомую женщину, которая несколько раз повторила чье-то имя, прежде чем ее канал оборвался.

А потом Андрей услышал Настю.

Ее голос пробился сквозь треск столь неожиданно, что он не сразу понял, кому принадлежит этот испуганный шепот.

— Кто-нибудь… Мы еще здесь. На «Северном ветре» есть живые. Отвечайте. Пожалуйста, кто-нибудь…

Андрей бросился к панели, пытаясь захватить ослабевший сигнал, и почти закричал:

— «Северный ветер», это «Гелиос»! Мы вас слышим! Настя, я слышу тебя!

Несколько секунд в наушниках стоял лишь шум. Затем донесся слабый вздох, похожий одновременно на смех и плач.

— Андрей?..

— Да. Я здесь. Сколько вас?

— Не знаю. Мостик разрушен. Мы в кормовом отсеке. Шлюзы не отвечают, воздуха… воздуха минут на двадцать.

Он посмотрел на тактический экран. Обломки фрегата находились слишком далеко, за плотной линией вражеских кораблей. Даже исправный спасательный катер не смог бы добраться туда, а «Гелиос» уже сам с трудом удерживал курс.

— Мы вас вытащим, — сказал Андрей.

Ложь прозвучала легко и почти убедительно. Возможно, потому, что он сам отчаянно хотел в нее поверить.

— Конечно, — тихо ответила Настя.

Она тоже поняла.

Некоторое время они молчали, разделенные сотнями километров пустоты, войной и той невидимой чертой, за которой обещания перестают что-либо значить. Андрей судорожно пытался придумать слова, способные удержать человека рядом, когда тело уже находится на погибающем корабле, но все они казались жалкими и ненужными.

— Помнишь выпускной? — спросила Настя. — Ты тогда уверял, что умеешь танцевать.

— Я умею.

— Ты сломал каблук преподавателю.

— Это был сложный маневр.

Она тихо рассмеялась, и на мгновение они снова оказались молодыми курсантами в душном зале академии, где играла музыка, впереди была целая жизнь, а самым страшным последствием ошибки казался выговор от начальника курса.

— Андрей…

— Я здесь.

— Не отключайся, хорошо?

— Не отключусь.

В этот момент по корпусу «Гелиоса» прошел второй удар. Связь захлебнулась помехами, экраны погасли, а когда питание восстановилось, канал «Северного ветра» исчез. Андрей вызывал его снова и снова, увеличивал мощность передатчика, перебирал частоты и отказывался верить показаниям системы, пока Левин не положил тяжелую ладонь ему на плечо.

— Ее больше нет, парень.

Андрей медленно снял гарнитуру. На экране перед ним снова появилась фотография дочери — аварийный сбой вернул последнее открытое личное изображение. Алиса улыбалась, подняв обе руки к камере, и эта улыбка показалась ему почти невыносимой, потому что принадлежала миру, в котором люди еще возвращались домой, друзья не исчезали посреди фразы, а обещание «мы вас вытащим» могло означать нечто большее, чем попытку подарить умирающему несколько спокойных секунд.

Где-то над ними продолжали работать орудия. Корабль вздрагивал, аварийные сирены сливались в непрерывный протяжный стон, а на тактической карте вокруг «Гелиоса» больше не осталось ни одной зеленой отметки.

Все корабли сопровождения были уничтожены.

Тяжелый колониальный корабль остался один посреди вражеского флота, окруженный обломками кораблей, которые еще утром шли рядом с ним единым строем. Его броня была пробита в десятках мест, часть палуб погрузилась во тьму, двигатели теряли мощность, а варп-система продолжала готовиться к переходу, не подозревая, что путь к спасению уже перекрыт.

Капитан Воронцов смотрел на пустеющую карту и впервые за весь бой не отдавал приказов. Красный аварийный свет ложился на его морщинистое лицо, делая тени под глазами глубже, а седые усы — почти черными. Он еще сохранял прямую спину, еще держал руки на подлокотниках и внешне оставался тем же несокрушимым человеком, которого знала команда, однако старший помощник, прослуживший рядом с ним больше десяти лет, заметил, как едва заметно дрогнули пальцы капитана.

Воронцов смотрел не на противника.

Он смотрел на гаснущие обозначения своих кораблей и, вероятно, мысленно называл по именам тех, кто только что погиб под его командованием.

Через несколько секунд навигатор тихо произнес:

— Путь к точке перехода закрыт.

Капитан не ответил.

— Резервный коридор тоже перекрыт. Они зажали нас, Михаил Арсеньевич.

Впервые за много лет старший помощник обратился к нему по имени и отчеству при всей вахте. Никто не сделал замечания. В тот момент воинские звания, устав и субординация внезапно показались тонкой, почти прозрачной тканью, которой люди пытались прикрыться от необъятности приближающейся смерти. Воронцов медленно поднял глаза к обзорному экрану. Вдали мерцали вспышки вражеских орудий, приближаясь с каждой секундой. Между ними плыли горящие обломки погибших кораблей, похожие на угли огромного погребального костра, разожженного посреди вечной ночи.

— Продолжать маневр, — наконец произнес капитан. — Пока работают двигатели, этот корабль не считается погибшим.

Команда услышала его слова, и на несколько минут «Гелиос» снова ожил. Люди склонились над приборами, пилоты бросили уцелевшие машины в контратаку, механики вручную перераспределяли энергию, а артиллеристы продолжили стрелять из перегретых орудий, понимая, что едва ли успеют увидеть результат своих залпов.

Они еще не знали, что надежда уже умерла.

И совсем скоро им предстояло это понять.

Глава II. Час, когда надежда умерла.

Надежда редко погибает сразу. Даже тогда, когда разум уже перечислил все доводы, произвел необходимые расчеты и с бесстрастной точностью доказал неизбежность конца, где-то в глубине человеческого сознания продолжает жить маленькое, упрямое чувство, не желающее подчиняться ни цифрам, ни обстоятельствам. Оно заставляет раненого тянуться к оружию, хотя пальцы больше не слушаются; заставляет врача продолжать массаж остановившегося сердца, когда приборы уже давно прочертили на экране ровную линию; заставляет экипаж гибнущего корабля вновь и вновь запускать разрушенные системы, будто одна лишь настойчивость способна убедить искореженный металл в том, что ему еще не пришло время умирать. На «Гелиосе» это чувство держалось почти сорок минут, переходя от человека к человеку, питаясь каждым восстановленным контуром, каждым успешным залпом и каждым приказом капитана, произнесенным с прежней спокойной уверенностью. Лишь спустя сорок минут люди начали понимать, что борются уже не за спасение, а за право отложить смерть еще на несколько мгновений.

«Гелиос» уходил из-под огня тяжелыми, мучительными рывками, словно исполинское раненое животное, которое продолжало ползти, не замечая оставляемого за собой кровавого следа. Левый маршевый двигатель работал на пределе, правый то включался, то вновь захлебывался от перегрева, а маневровые блоки кормовой секции не отвечали вовсе, из-за чего каждый поворот давался кораблю с трудом и сопровождался протяжным скрежетом силового каркаса. Внутренние компенсаторы уже не справлялись с нагрузкой, и при особенно резких изменениях курса людей прижимало к стенам, креслам и полу с такой силой, что трещали кости, лопались сосуды в глазах и даже самые крепкие мужчины не могли сдержать коротких болезненных стонов. Тем не менее «Гелиос» продолжал маневрировать, подставляя врагу уцелевшие участки брони и отвечая огнем из тех орудий, к которым еще поступала энергия.

На мостике почти не осталось свободного пространства. Несколько офицеров работали стоя, потому что их кресла были разбиты первым ударом, возле дальней стены лежал накрытый форменной курткой молодой рулевой, погибший, когда обломок панели пробил ему грудь, а у тактической консоли сидела прямо на полу врач, пытаясь остановить кровь у старшего артиллериста. Всякий раз, когда корабль вздрагивал, ее руки соскальзывали с раны, и кровь снова выступала сквозь пропитавшуюся повязку, но женщина молча прижимала ткань сильнее, не замечая, как темные пятна расползаются уже по ее собственным рукавам. Сам артиллерист оставался в сознании и продолжал диктовать расчеты своему заместителю, словно происходящее касалось кого-то другого, а не его самого; только голос становился все тише, и паузы между словами постепенно удлинялись, будто каждую следующую фразу приходилось вытаскивать из глубокой темной воды.

Воронцов не покидал капитанского кресла. Он держался прямо, хотя от каждого удара в груди вспыхивала боль, а левая кисть, поврежденная сорвавшейся панелью, уже почти не сгибалась. Старший помощник несколько раз предлагал вызвать медика, но капитан лишь отрицательно качал головой, понимая, что врачей сейчас не хватает там, где их помощь еще способна что-то изменить. Перед ним разворачивалась картина гибели корабля, представленная не пламенем и разорванным металлом, а сотнями сухих обозначений на центральном экране: потеря давления, нарушение охлаждения, прекращение связи с отсеком, рост температуры, отказ энергосети. За каждым таким сообщением скрывались люди, и Воронцов слишком хорошо знал корабль, чтобы не представлять их лиц. В третьем машинном отделении работал старший механик Жеребцов, с которым они служили еще на старом крейсере «Орел»; на двенадцатой палубе находилась школа, где учились дети экипажа и колонистов; в кормовом госпитале дежурила доктор Белова, которая десять лет назад спасла самого капитана после тяже-

лого ранения. Компьютер обозначал их судьбы одинаковыми красными строками, и Воронцов с ужасом ощущал, как знакомый ему живой корабль постепенно превращается в безмолвную схему мертвых отсеков.

— Есть свободный коридор на одиннадцать градусов ниже плоскости эклиптики, — доложил Рахманов, не отрывая глаз от навигационной карты. — Узкий, но пока чистый. Если выжмем из двигателей еще семь процентов, сможем пройти между второй и третьей группой противника.

— Варп?

Главный инженер, находившийся на связи из центрального машинного отделения, ответил не сразу. На фоне его голоса слышались грохот, шипение пара и крики людей, пытавшихся вручную закрыть аварийные створки.

— Накопители почти заряжены, господин капитан. Но поврежден контур синхронизации. Мы можем начать переход, только я не гарантирую, что поле удержится.

— Вероятность?

— Не знаю. Тридцать процентов. Может, сорок.

— А вероятность пережить еще десять минут здесь?

Инженер молчал так долго, что ответ стал очевиден прежде, чем он его произнес.

— Меньше.

Воронцов посмотрел на старшего помощника. Тот коротко кивнул. Выбор между почти верной смертью и смертью лишь весьма вероятной не требовал долгого обсуждения.

— Готовить переход. Рахманов, ведите нас в коридор. Орудиям — сосредоточить огонь на правом фланге, расчистить путь. Всем отсекам приготовиться к перегрузке.

Приказ разошелся по кораблю, и на несколько минут прежняя надежда вспыхнула с новой силой. Люди, слышавшие лишь отрывочные сообщения и не знавшие всей картины, решили, что командование нашло путь к спасению. В госпитале кто-то заплакал от облегчения, механики начали подбадривать друг друга, а в жилых секторах родители крепче прижали к себе детей, обещая им, что совсем скоро все закончится. Даже те, кто понимал истинную цену маневра, старались не разрушать эту веру, потому что иногда ложная надежда бывает милосерднее правды и позволяет человеку выдержать то, на что у него не осталось бы сил, знай он, насколько близко подошел конец.

В школьном секторе учительница Анна Морозова собрала детей в небольшом помещении между двумя несущими переборками, которое по инструкции считалось самым защищенным местом палубы. Их было двадцать семь — от шестилетних малышей до подростков, уже достаточно взрослых, чтобы различать учебную тревогу и настоящий бой. Младшие плакали, некоторые звали родителей, а восьмилетний мальчик, еще утром рисовавший непобедимый корабль, сидел у стены, прижимая тетрадь к груди, и время от времени спрашивал, почему «Гелиос» не стреляет сильнее. Анна отвечала каждому спокойно и терпеливо, хотя сама уже несколько минут не получала сообщений от мужа, служившего в ангаре истребителей. Последнее, что он успел передать, было короткое: «Я скоро вернусь». Теперь она повторяла эти слова про себя, будто молитву, и старалась не думать о том, что ангар находился в одном из отсеков, связь с которыми оборвалась после второго попадания.

— Мы улетим отсюда? — спросила маленькая девочка с двумя неумело заплетенными косами.

Анна присела перед ней, поправила воротник и заставила себя улыбнуться.

— Конечно. Капитан обязательно нас выведет.

— А мама меня найдет?

— Обязательно найдет.

Девочка поверила сразу, потому что дети еще не знают, насколько легко взрослые произносят обещания, которые не в силах исполнить. Она обняла учительницу за шею и прижалась

к ней всем телом, доверяя той свою жизнь с простотой, от которой у Анны защипало глаза. Женщина закрыла лицо ребенка ладонью, чтобы та не увидела ее слез, и продолжила шептать успокаивающие слова, хотя сама уже не верила ни в одно из них.

В госпитале доктор Белова принимала раненых быстрее, чем успевала запоминать их лица. Носилки занимали проходы, люди лежали прямо на полу, автоматические хирургические комплексы работали без остановки, а запасы обезболивающих подходили к концу. Здесь пахло кровью, антисептиком и паленой тканью; этот запах проникал под одежду, оставался на руках и превращал чистое медицинское помещение в подобие древнего полевого лазарета, где единственными признаками далекого будущего служили мерцающие экраны и механические манипуляторы, безучастно копошившиеся в раскрытых ранах. Медики давно отказались от полной диагностики и теперь делили поступавших на тех, кому еще можно помочь, и тех, на кого нельзя тратить оставшееся время. Самым страшным было не принимать такое решение, а смотреть в глаза человеку, который понимал, к какой категории его отнесли.

У дальней стены лежал курсант Алексей Туманов, тот самый семнадцатилетний пилот с переломом руки, которому утром обещали скорое возвращение в строй. Теперь перелом казался нелепой мелочью: осколок пробил ему живот, и даже беглый осмотр показывал, что внутреннее кровотечение уже невозможно остановить в условиях разрушенного госпиталя. Рядом на коленях сидела медсестра Марта, зажимая рану и прекрасно понимая бесполезность своих усилий. Курсант был бледен, губы посинели, но сознание он еще сохранял и, всякий раз открывая глаза, искал взглядом врача.

— Мы прорвались? — спросил он, когда Белова проходила мимо.

Доктор остановилась. За ее спиной кто-то кричал, требуя помощи, операционный автомат сообщил об остановке сердца у пациента, а помощник уже звал ее к следующему раненому, но женщина все же присела рядом.

— Почти, — ответила она.

— Значит, победили?

Белова посмотрела на его совсем юное лицо, на редкий светлый пушок над верхней губой, который мальчик, вероятно, считал настоящими усами, и почувствовала, как что-то болезненно сжалось внутри. Она могла сказать правду. Могла объяснить, что кораблей сопровождения больше нет, что «Гелиос» окружен и что его собственная жизнь измеряется минутами. Но в этих сведениях не было ни пользы, ни достоинства — лишь бессмысленная жестокость, которой и без того хватало вокруг.

— Да, Леша, — сказала она, взяв его за холодную руку. — Победили.

На лице курсанта появилась слабая улыбка.

— Я знал… Капитан вытащит.

Он закрыл глаза и больше их не открыл. Марта продолжала держать его руку еще несколько секунд, словно опасалась, что одиночество может настигнуть мальчика даже за той границей, куда он только что ушел, после чего осторожно сняла с его шеи идентификационный жетон и накрыла лицо белой тканью. Через минуту на освободившееся место положили другого раненого.

В центральном узле связи Андрей снова работал рядом с Левиным. После гибели Насти он почти не разговаривал, выполняя команды с механической точностью и стараясь не смотреть на фотографию дочери, которую успел убрать в защищенную память терминала. Передатчики один за другим выходили из строя, внешние антенны были повреждены, дальняя связь исчезла, но внутренние каналы еще работали, и теперь через их узел проходили тысячи сообщений с палуб. Люди искали родственников, командиры вызывали пропавшие группы, медики просили дополнительные запасы, а изолированные отсеки сообщали об истощении воздуха. Андрей отвечал, соединял, перенаправлял, обещал передать информацию и постепенно

чувствовал, что превращается в часть огромной машины, которая продолжает работать лишь потому, что пока не поняла собственной смерти.

Внезапно на одном из каналов появился голос женщины.

— Узел связи, это жилой сектор восемь. У нас заблокированы двери, вентиляция остановлена. Здесь сорок три человека, двенадцать детей. Вы слышите?

— Слышим, — ответил Андрей, вызвав схему сектора. — Аварийные группы уже направлены.

Это было неправдой. Коридор к восьмому сектору оказался разрушен, ближайшая ремонтная группа не отвечала, а автоматическая система показывала продолжающееся падение давления.

— Сколько им добираться?

Андрей не знал, что сказать. Женщина на том конце связи, вероятно, услышала его молчание и все поняла.

— Передайте капитану, что мы не паникуем, — произнесла она после короткой паузы. — Скажите, что дети держатся хорошо. И… пусть он не разворачивает корабль из-за нас. Здесь все понимают.

— Мы попытаемся открыть резервный проход.

— Конечно.

Это «конечно» прозвучало точно так же, как у Насти, и Андрей впервые подумал, сколько людей сегодня будут утешать его, делая вид, что верят в ложь, которую он вынужден им говорить. Он хотел спросить имя женщины, хотел хотя бы чем-то удержать ее на линии, но канал внезапно заполнился детским пением. Кто-то в запертом секторе начал знакомую старую песню о Земле, и остальные подхватили ее — сначала неуверенно, отдельными голосами, затем громче и стройнее. Пели взрослые и дети, пели люди, запертые в темноте с постепенно заканчивающимся воздухом, и в их пении не было ни героизма, ни желания оставить красивую легенду. Они просто боялись умирать в тишине.

Левин медленно снял гарнитуру и отвернулся. Он был крепким мужчиной за пятьдесят, пережил несколько войн, две аварийные посадки и однажды провел трое суток в спасательной капсуле с переломанными ребрами, но сейчас его широкие плечи дрогнули. Андрей впервые увидел, как старший оператор плачет. Беззвучно, почти стыдливо, вытирая лицо тыльной стороной ладони и продолжая другой рукой настраивать канал.

Песня оборвалась через девять минут.

На экране схема восьмого сектора стала серой.

Тем временем «Гелиос» почти достиг коридора, который Рахманов сумел найти между двумя соединениями противника. Вражеские корабли смыкались по обе стороны, однако расстояние до расчетной точки перехода сокращалось, а варп-накопители достигли девяноста семи процентов. Главный инженер докладывал о готовности, артиллеристы удерживали правый фланг, и впервые за долгое время на тактической карте появился узкий путь, действительно ведущий за пределы окружения. Даже Воронцов позволил себе осторожно поверить, что безумный план может сработать.

— До точки разгона сорок секунд, — сообщил Рахманов. — Курс стабилен.

— Варп-контур?

— Готовность условная, — ответил инженер. — Запустим по вашему приказу.

— Всем отсекам приготовиться. Переход через тридцать секунд.

По кораблю прошел обратный отсчет. Люди закреплялись в креслах, прижимали раненых к полу, обнимали детей и смотрели на мигающие лампы, каждая из которых обещала, что еще немного — и огонь останется позади. В госпитале Белова остановилась между койками, впервые за весь бой позволив себе глубокий вдох. В школьном секторе Анна сказала детям

закрыть глаза и считать вместе с корабельным голосом. Андрей на мгновение достал фотографию дочери, положил ладонь на экран и прошептал, что скоро вернется.

Оставалось пятнадцать секунд.

Воронцов смотрел вперед, туда, где между вражескими кораблями раскрывался узкий участок темноты.

Десять секунд.

Главный инженер подтвердил запуск контура. По корпусу прошла знакомая низкая вибрация, пространство возле «Гелиоса» начало едва заметно искажаться, а звезды на обзорном экране вытянулись тонкими линиями.

Семь секунд.

Тяжелый вражеский крейсер, до этого остававшийся вне сектора стрельбы, изменил позицию. Его носовая часть вспыхнула ослепительным белым светом.

Пять секунд.

— Зафиксирован энергетический выброс! — крикнул офицер наблюдения.

Три секунды.

Воронцов успел понять, куда направлен залп.

— Всем приготовиться к удару!

Луч главного калибра пересек пространство почти мгновенно и вошел в кормовую часть «Гелиоса» как раскаленное копье, прошедшее сквозь броню, технические палубы и сердцевину варп-системы. Мир исчез в белом свете. Корабль выгнуло так, что многометровые несущие балки лопнули с оглушительным грохотом, а искусственная гравитация на мгновение увеличилась в несколько раз и тут же пропала. Людей сорвало с мест, панели вырвало из креплений, по коридорам прокатилась ударная волна, сметая двери и превращая незакрепленные предметы в смертоносные снаряды.

В центральном машинном отделении взорвался контур синхронизации.

Главный инженер успел только открыть канал и произнести:

— Капитан, варп…

Затем связь оборвалась.

Искажение вокруг корабля схлопнулось, не успев сформировать переход. Звезды вернулись на свои места, а «Гелиос», потерявший кормовые двигатели, начал медленно вращаться, выходя из спасительного коридора обратно под огонь противника.

На мостике стояла оглушительная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием горящих проводов и стонами раненых. Половина экранов погасла, центральная карта исчезла, а обзорный экран показывал космос под странным углом: корабль вращался, и звезды медленно скользили сверху вниз, перемежаясь силуэтами приближающихся врагов.

Рахманов попытался подняться, но его правая нога была неестественно вывернута. Он оперся на консоль, вызвал резервную диагностику и несколько секунд смотрел на результаты, словно надеялся, что система ошиблась.

— Варп-двигатель уничтожен, — произнес он наконец.

Никто не ответил.

— Кормовые двигатели потеряны. Левый маршевый остановлен. Правый работает на одиннадцати процентах, но тяга падает.

Старший помощник медленно выпрямился. Кровь стекала от виска по щеке, однако он, казалось, не замечал ее.

— Маневровые?

— Остались носовые блоки. Курс изменить не сможем. Только немного замедлить вращение.

Воронцов сидел неподвижно. Его кресло сорвало с одного крепления, ремень глубоко врезался в грудь, поврежденная рука безвольно лежала на подлокотнике. Красный свет ава-

рийных ламп падал на лицо капитана, и люди, хорошо знавшие его, увидели перемену, которая испугала их сильнее всех докладов.

Морщинистое лицо пожилого командира внезапно осунулось так сильно, будто невидимая рука за несколько секунд вытянула из него остатки жизни. Щеки впали, кожа натянулась на скулах, а глаза, еще недавно ясные и твердые, словно запали внутрь, поблескивая из темных провалов холодным отражением аварийных огней. Казалось, Воронцов постарел сразу на тридцать, а то и на все сорок лет; седые усы опустились кончиками вниз, плечи ссутулились, и тот внутренний стержень, который десятилетиями держал в напряжении команды, корабли и самого капитана, наконец переломился под тяжестью имен погибших людей. Перед офицерами больше не сидел легендарный командир, способный вывести корабль из любой ловушки. Перед ними был усталый старик, которому только что сообщили, что несколько тысяч доверившихся ему мужчин, женщин и детей уже никогда не увидят дома.

Он закрыл глаза.

На несколько мгновений Воронцов перестал слышать сирены, доклады и треск огня. Вместо них ему вспомнилось утро двенадцать лет назад, когда он впервые поднялся на мостик «Гелиоса». Корабль тогда был новым, светлым, пахнущим металлом и пластиком; экипаж выстроился в главной галерее, младшие офицеры старались казаться старше, а инженер Жеребцов, еще без седины в волосах, с гордостью рассказывал о возможностях реакторов. Воронцов обещал им, что будет беречь корабль и людей, а они поверили — не потому, что знали его, а потому, что капитану положено верить. Теперь большая часть тех людей была мертва, а обещание, данное среди праздничного света и новых знамен, оказалось нарушено.

— Михаил Арсеньевич, — тихо позвал старший помощник.

Капитан открыл глаза.

— Сколько у нас времени?

Офицер наблюдения посмотрел на показания.

— Противник прекратил огонь. Они окружают нас. Вероятно, готовятся к абордажу или требуют капитуляции.

— Связь?

— Внешние каналы повреждены, но аварийный передатчик работает.

Воронцов задумался. В иной ситуации капитуляция могла бы спасти людей. Он не принадлежал к командирам, считавшим гибель тех, за кого отвечал, достойной платой за собственную гордость, и был готов склонить голову, если это давало людям на борту шанс выжить. Но о нападавших они не знали ничего. Неизвестный противник не ответил ни на один открытый вызов, открыл огонь без предупреждения и методично уничтожил корабли сопровождения. Теперь от него пришел лишь автоматический приказ — без имени, объяснения причин нападения и хотя бы одного обещания сохранить жизнь тем, кто находился на «Гелиосе». Воронцов не знал, зачем чужакам пленные и нужны ли они им вообще. Именно это незнание превращало сдачу не в спасение, а в ставку, которую капитан не имел права делать жизнями нескольких тысяч военных, гражданских и детей.

— Перехватываем передачу, — сообщил связист на мостике. — Автоматический сигнал. Они требуют отключить реакторы, разгерметизировать орудийные палубы и подготовить экипаж к досмотру.

Старший помощник горько усмехнулся.

— К досмотру.

Воронцов медленно поднялся. Поврежденное кресло качнулось, и ему пришлось опереться здоровой рукой на консоль. Еще несколько минут назад это движение казалось бы слабостью, но теперь никто не отвел глаз. Каждый человек на мостике понимал, какой приказ должен последовать, и каждый втайне надеялся, что капитан найдет другие слова.

Он подошел к обзорному экрану. Вражеские корабли располагались вокруг «Гелиоса» плотным кольцом, их темные корпуса закрывали звезды, а сигнальные огни мерцали равнодушно и размеренно. Между ними плыли обломки разгромленного человеческого конвоя: куски брони, сорванные башни, спасательные капсулы и фрагменты кораблей, еще недавно имевших имена. Один из обломков медленно повернулся, и на нем стал виден почти уцелевший герб «Северного ветра».

Капитан долго смотрел на него.

— Запишите мой ответ, — произнес он.

Связист активировал передатчик.

Воронцов выпрямился, насколько позволяла боль, и старый командир на мгновение вернулся. В его голосе больше не было прежней надежды, зато осталось достоинство человека, который может проиграть бой, но все еще волен выбирать, каким встретит поражение.

— Говорит капитан колониального корабля «Гелиос» Михаил Воронцов. Ваши требования получены. Корабль не будет сдан. Оборона не прекратится. При попытке абордажа реакторы будут переведены в режим разрушения активной зоны.

Он сделал паузу, глядя на вражеский флот.

— Вы уже убили достаточно наших людей. Больше мы вам никого не отдадим.

Передача завершилась.

На мостике никто не произнес ни слова. Старший помощник лишь медленно склонил голову, принимая решение капитана. Рахманов закрыл глаза. Врач перестала бороться за жизнь артиллериста — тот умер несколько минут назад — и осторожно накрыла его лицо курткой.

Воронцов вернулся к креслу, но не сел.

— Откройте общекорабельный канал.

Связист замер. Его пальцы зависли над панелью, и капитан увидел в глазах молодого человека страх. Не страх смерти — она уже стала очевидной, — а страх перед словами, после которых исчезает даже возможность надеяться.

— Выполняйте.

По всему «Гелиосу» щелкнули динамики. В школьном секторе Анна подняла голову. В госпитале Белова остановилась над очередным раненым. В машинных отделениях механики замерли возле раскаленных трубопроводов. В узле связи Андрей услышал шум капитанского канала и понял, что сейчас произойдет. Левин медленно опустился в кресло и снял гарнитуру, словно хотел встретить последние слова не как оператор, а как обычный человек.

Воронцов смотрел на красный огонь аварийных ламп и пытался подобрать речь, достойную тех, кому предстояло ее услышать. За сорок два года службы он произнес сотни обращений: перед боем, после победы, на похоронах, при награждениях и во время спуска новых кораблей. Сейчас все выученные формулировки казались пустыми. Невозможно красиво сообщить отцу, что его дети умрут. Невозможно найти слова, которые утешат женщину, не успевшую проститься с мужем. Невозможно попросить несколько тысяч человек встретить конец спокойно и не почувствовать себя палачом.

— Люди «Гелиоса», говорит капитан.

Его голос разнесся по кораблю, достигнув даже тех отсеков, где связь уже едва работала.

— Мы потеряли варп-двигатель и большую часть силовой установки. Корабли сопровождения уничтожены. Противник окружил нас и потребовал капитуляции.

Он замолчал, и в этой короткой паузе каждый успел представить продолжение.

— Я принял решение не сдавать корабль. Противник не назвал себя, не объяснил причин нападения и не дал никаких гарантий. Я не стану выдавать ему военных, гражданских и детей в обмен на несколько лишних часов жизни. Мы продолжим сопротивление, пока это возможно. При начале абордажа реактор будет уничтожен.

Где-то заплакал ребенок. Где-то мужчина выругался и ударил кулаком по переборке. Кто-то начал молиться, хотя не вспоминал о Боге много лет.

— Я не буду говорить вам, что все еще может измениться, — продолжил Воронцов. — Вы заслужили правду. Спасения не будет.

Эти слова оказались страшнее любых взрывов. Пока человек сражается, у него остается возможность верить, что командование знает больше, что где-то идет помощь, что повреждения не так велики, как кажется. Теперь сам капитан лишил их последнего убежища.

В школьном секторе восьмилетний мальчик выпустил из рук тетрадь. Лист раскрылся на рисунке, где огромный «Гелиос» побеждал три вражеских флота. Девочка с косами посмотрела на Анну и спросила:

— Он сказал, мы не улетим?

Учительница прижала ее к себе, не находя ответа.

На мостике Воронцов медленно вдохнул.

— Я знаю, что многие из вас сейчас думают о близких: о тех, кто находится рядом, и о тех, кто остался дома. Знаю, что вы хотите услышать их голоса, попросить прощения, сказать то, что откладывали до возвращения. Дальняя связь уничтожена, и слова, обращенные к Земле, вероятно, никогда не достигнут адресатов. Но все личные сообщения будут сохранены в аварийных маяках. Возможно, когда-нибудь их найдут.

Это тоже была надежда, хоть и почти невозможная. Несколько уцелевших маяков могли пережить взрыв, но враг наверняка уничтожил бы их. Тем не менее люди потянулись к терминалам. В жилых отсеках, коридорах, госпитале и машинных отделениях начали записывать последние сообщения, и корабельная сеть наполнилась голосами, обращенными к тем, кто находился за десятки световых лет и ничего не знал о разыгравшейся трагедии.

— Мне нечем оправдать то, что я не смог довести одних до нового дома, а других — вернуть к прежнему. Вы доверили мне свои жизни, жизни своих семей и этот корабль. Я принял ваше доверие и не сумел его сохранить. За это я прошу у вас прощения.

Старший помощник резко повернулся к нему, желая возразить, но не сделал этого. У капитана было право на эти слова.

— Однако я хочу, чтобы вы знали: ни один человек на «Гелиосе» сегодня не посрамил ни себя, ни тех, кто его ждет. Наши корабли погибли, прикрывая друг друга. Наши пилоты продолжали бой на поврежденных машинах. Медики спасали людей, когда рушились стены госпиталя. Механики удерживали реакторы, стоя по колено в охлаждающей жидкости и собственной крови. Каждый из вас сделал больше, чем от него можно было потребовать.

Голос капитана дрогнул впервые за всю речь.

— Я горжусь тем, что служил рядом с вами.

В узле связи Андрей закрыл лицо руками. Перед ним светился личный терминал, ожидая записи, но он не мог заставить себя начать. Что говорить жене? Как уместить в несколько минут всю любовь, вину и тоску человека, который обещал вернуться и теперь вынужден признаться, что нарушает обещание? Как попрощаться с дочерью, не способной понять его слова и, вероятно, вскоре забывшей бы даже голос, доносившийся из терминала?

Левин сидел рядом и уже записывал сообщение. Он говорил тихо, почти буднично, сообщая жене, где лежат документы, напоминая старшему сыну заботиться о матери и ругая младшего за то, что тот наверняка снова бросит учебу. Лишь под конец его голос сорвался.

— И не сердитесь на меня, — произнес он. — Я правда хотел вернуться. Очень хотел.

Он завершил запись, несколько секунд смотрел на погасший экран, а затем повернулся к Андрею.

— Начинай, парень. Потом времени не будет.

Андрей активировал камеру. На экране появилось его собственное лицо — бледное, с кровью на виске и темными кругами под глазами. Он попытался улыбнуться, чтобы не пугать

жену, хотя понимал: если она когда-нибудь увидит эту запись, то уже будет знать, чем все закончилось.

— Лена… — начал он и замолчал.

Имя застряло в горле.

— Лена, прости. Я не знаю, что сказать так, чтобы это не звучало глупо. Здесь… здесь все очень плохо. Капитан говорит, что мы не выберемся.

Голос дрогнул, и Андрей отвернулся, вытирая глаза.

— Я видел запись. Алиса прекрасная. Скажи ей, что я видел ее первое слово. Даже если это было не «папа». Скажи, что я все равно решил, будто она сказала именно его.

Он попытался рассмеяться, но получился короткий болезненный всхлип.

— Расскажи ей обо мне что-нибудь хорошее. Только не все подряд, ладно? Не говори, что я боялся темноты до двенадцати лет и однажды сломал преподавателю каблук. Хотя… про каблук можешь. Ей понравится.

Андрей смотрел в камеру и понимал, что откладывает главное, потому что после этих слов запись действительно станет прощанием.

— Я люблю тебя. Вас обеих. Больше всего на свете. Мне так жаль, что я не успел вернуться, не успел взять ее на руки, не увидел, как она пойдет, как вырастет… Мне жаль, что тебя не будет рядом, когда я…

Он не смог закончить.

Несколько секунд камера записывала лишь его беззвучные слезы.

— Не жди меня, Лена. Живи. Пожалуйста. И однажды, когда Алиса спросит, почему у нее нет отца, не говори, что я погиб героем. Я не герой. Я просто очень хотел домой.

Он завершил запись и долго сидел, прижав терминал к груди.

На мостике Воронцов произносил последние слова.

— Согласно флотскому уставу объявляю протокол «Последний час». Все, кто не задействован в обороне и поддержании систем, освобождаются от обязанностей. Командиры отсеков имеют право открыть личные запасы. Священнослужителям всех конфессий предписывается находиться среди людей. Медицинской службе разрешено использовать весь резерв обезболивающих без ограничений.

Протокол «Последний час» существовал еще со времен первых межзвездных перелетов. Его редко упоминали и почти никогда не применяли. Он означал, что корабль признан погибшим, а командование больше не требует от людей невозможного. В течение оставшегося времени каждый мог молиться, пить, плакать, писать письма, сидеть рядом с близкими или продолжать работать — не из чувства долга, а потому, что сам так решил.

— Тем, кто хочет оставаться на боевых постах, — продолжил капитан, — я благодарен. Тем, кто хочет провести последние минуты с семьей, — разрешаю покинуть посты. Никто не будет осужден.

Воронцов обвел взглядом мостик.

Никто не ушел.

Рахманов остался у навигационной консоли, хотя корабль уже почти не управлялся. Связист продолжал восстанавливать внешние каналы. Врач сидела рядом с погибшим артиллеристом, держа его за руку. Даже самый молодой офицер, едва окончивший академию и все время речи дрожавший так сильно, что стучали зубы, выпрямился и положил ладони на панель.

— До конца, господин капитан, — сказал старший помощник.

Остальные молча кивнули.

По всему кораблю происходило то же самое. Некоторые люди оставляли посты, чтобы найти родных, но большинство оставалось. Механики продолжали латать систему охлаждения, хотя знали, что реактор скоро будет уничтожен. Пожарные шли в горящие отсеки, чтобы дать запертым там людям еще несколько минут воздуха. Пилоты готовили последние уцелевшие

истребители к вылету. Не потому, что надеялись победить, а потому, что работа была единственным знакомым способом не сойти с ума.

Воронцов отключил общекорабельный канал.

— Время до сближения?

— Около двадцати минут, — ответил офицер наблюдения. — Они выпускают абордажные корабли.

— Подготовить оставшиеся орудия. Реактор перевести в режим ручного подрыва. Код подтверждения на мой пульт и пульт старшего помощника.

Приказы были выполнены.

На «Гелиосе» начался последний час, хотя на самом деле им оставалось гораздо меньше.

Люди обнимались в коридорах, открывали бутылки, десятилетиями хранившиеся для возвращения домой, и делились тем, что прежде берегли для особого случая. Кто-то принес в школьный сектор шоколад из офицерского запаса, и дети ели его маленькими кусочками, не понимая, почему взрослые разрешают им брать сколько угодно. В госпитале Белова раздала обезболивающее всем, кому могла, а затем села между койками и стала читать вслух старую земную сказку, потому что один из раненых признался, что мать читала ее ему в детстве. В техническом отсеке механики включили музыку и продолжали работать под глухой ритм, время от времени поднимая кружки с контрабандным спиртом за тех, кто уже не мог присоединиться.

Андрей и Левин оставались в узле связи. Через несколько минут старший оператор достал из шкафчика небольшую металлическую флягу, сделал глоток и протянул ее Андрею.

— За тех, кто ждет, — сказал он.

Андрей выпил. Напиток обжег горло, но не принес ни тепла, ни облегчения.

— Страшно? — спросил Левин.

— Да.

— Мне тоже.

Андрей посмотрел на него с удивлением. Ему казалось, что такие люди, как Левин, не должны бояться.

— Я думал, со временем проходит.

— Что проходит?

— Страх смерти.

Старший оператор покачал головой.

— Нет. Просто с возрастом у тебя становится больше причин хотеть жить.

Они замолчали.

За стеной корабля двигались вражеские абордажные суда. На мостике капитан держал руку возле панели подрыва. В школьном секторе дети слушали песню, которую Анна пела дрожащим голосом. В госпитале умер еще один раненый. В машинном отделении механики вручную удерживали давление в последнем работающем контуре.

Казалось, сама Вселенная остановилась, позволяя людям прожить последние минуты медленно и до конца.

Именно тогда дальний сенсор «Гелиоса», считавшийся уничтоженным после первого попадания, неожиданно подал сигнал.

Сначала слабый, почти неразличимый среди помех.

Затем более отчетливый.

На резервной навигационной консоли появилась новая отметка.

Она не принадлежала ни кораблю, ни планете, ни известному типу пространственного объекта. Еще несколько секунд назад в этой точке не было ничего, но теперь показатели гравитации росли так быстро, что автоматика не успевала менять шкалу.

Рахманов нахмурился и придвинулся к экрану.

— Господин капитан…

Воронцов не отводил руки от панели подрыва.

— Что?

Навигатор увеличил изображение. На карте, прямо по курсу беспомощно дрейфующего «Гелиоса», разворачивалась огромная воронка гравитационного возмущения.

— Перед нами что-то появляется.

Капитан поднял взгляд.

За обзорным экраном темнота начала медленно изгибаться.

Глава III. Когда Вселенная дала трещину.

После объявления протокола «Последний час» время на «Гелиосе» утратило привычное значение. Оно больше не измерялось сменами, расчетными точками маршрута или показаниями корабельного хронометра, равнодушно продолжавшего отсчитывать секунды так, будто впереди по-прежнему существовало завтра. Для одних оно сжалось до нескольких последних вдохов, для других растянулось в бесконечность, наполненную голосами близких, несказанными словами и воспоминаниями, которые прежде казались слишком незначительными, чтобы беречь их. Люди вдруг обнаружили, что память редко выбирает действительно важное. Перед смертью вспоминались не присяга, не награды и не дни великих побед, а утренний свет на кухонном столе, запах мокрой одежды в прихожей, разбитая чашка, из-за которой когда-то поссорились с женой, и маленькая ладонь ребенка, доверчиво вложенная в руку взрослого. Жизнь, которую человек всю дорогу считал чередой решений, подвигов и ошибок, в последний час оказывалась собранием почти незаметных мгновений, и каждое из них теперь стоило больше, чем целые планеты.

Андрей сидел перед погасшим терминалом, все еще прижимая его к груди, хотя запись уже была завершена и отправлена в защищенное хранилище аварийных маяков. Он чувствовал под ладонями прохладный корпус устройства и думал о том, что именно здесь теперь заключена последняя часть его самого: несколько минут сбивчивой речи, неудачная попытка улыбнуться, слезы, которых он стыдился перед камерой, и признание, запоздавшее лишь потому, что прежде казалось само собой разумеющимся. Лена знала, что он любит ее. Алиса когда-нибудь узнала бы об этом от матери. Нужно ли было произносить очевидное вслух, пока впереди еще оставались годы? Так он думал раньше, как думают почти все люди, уверенные, что будущее принадлежит им по праву рождения. Теперь Андрей понимал, что очевидные слова и существуют для того, чтобы их произносили, потому что молчание ничего не сохраняет и никого не согревает.

Левин сидел рядом, положив руки на край консоли. Он уже закончил свое письмо и теперь смотрел на темный экран с выражением человека, который выполнил последнюю обязанность и внезапно обнаружил, что оставшееся время ему нечем занять. В прежней жизни всегда находилось что-нибудь необходимое: исправить передатчик, проверить смену, отправить отчет, позвонить жене, объяснить сыну, почему нельзя бросать академию после первой неудачи. Даже отдых был обязанностью, которую следовало выполнять ради следующей вахты. Теперь никаких следующих вахт не ожидалось, и свобода от всех обязанностей оказалась не облегчением, а пугающей пустотой.

— Странная штука, — произнес он, ни к кому особенно не обращаясь. — Всю жизнь мечтаешь, чтобы тебя наконец оставили в покое. А когда оставляют — не знаешь, куда себя деть.

Андрей поднял голову.

— Вы могли бы пойти к семье.

— Они далеко.

— Я имею в виду тех, кто здесь. Друзей.

Левин усмехнулся, но в этой усмешке не было привычного добродушия.

— Все мои друзья на постах. Одни пытаются заставить корабль лететь без двигателей, другие готовятся стрелять из орудий без энергии, третьи делают вид, что смогут удержать реактор от распада до приказа капитана. Хорошие у меня друзья. Упрямые. Неразумные. Как раз такие, какие нужны человеку в последний день.

Он достал флягу, повертел ее в пальцах, однако пить не стал. Внутри плескалось еще немного спирта, который старший оператор берег для какого-то праздника и теперь, вероятно, счел слишком дорогим, чтобы тратить его лишь на страх.

За переборкой снова что-то глухо ударило. Не вражеский залп — абордажные корабли пока не открывали огня, — а обломок погибшего фрегата задел корпус «Гелиоса». Огромный корабль едва заметно содрогнулся, аварийные лампы мигнули, и где-то в глубине узла связи с протяжным стоном прогнулась поврежденная опора. Андрей уже научился различать звуки умирающего корабля. В начале боя каждый новый скрежет заставлял его вздрагивать, теперь же все они складывались в печальную, почти привычную музыку: треск остывающего металла, шипение воздуха в поврежденных трубах, приглушенный гул реактора и редкие удары, с которыми от корпуса отрывались искореженные фрагменты брони. «Гелиос» продолжал жить, но его жизнь больше не напоминала работу могучего корабля. Так дышит смертельно раненный человек — тяжело, неровно, каждый раз будто решая, стоит ли делать следующий вдох.

На мостике Воронцов стоял перед обзорным экраном, заложив здоровую руку за спину. Врач успела наложить ему фиксирующую повязку, однако поврежденная кисть по-прежнему почти не двигалась, а боль в груди усиливалась при каждом вдохе. Капитан не жаловался. Он вообще говорил мало, словно после обращения к экипажу исчерпал все слова, которые имел право произнести. Теперь оставалось лишь ждать.

Вражеские корабли приближались медленно, без спешки, как приближаются охотники к зверю, уже попавшему в капкан. Их темные корпуса заслоняли звезды, красные сигнальные огни мерцали вдоль брони, а абордажные суда, отделившиеся от главных кораблей, выстраивались в несколько рядов. У противника было достаточно времени. «Гелиос» потерял ход, большая часть его вооружения молчала, силовое поле существовало лишь на отдельных участках, и все попытки сопротивления могли отсрочить неизбежное не более чем на несколько минут. Вероятно, враг знал о принятом капитаном решении и потому не торопился, рассчитывая вывести из строя системы подрыва точечным ударом или захватить один из удаленных отсеков раньше, чем команда успеет уничтожить реактор.

— Дистанция до первого абордажного соединения — шестнадцать тысяч километров, — доложил офицер наблюдения. — Сближение продолжается.

Воронцов кивнул.

— Орудия?

— Две башни главного калибра готовы условно. Еще четыре вспомогательные установки. Ракетные шахты не отвечают.

— Открыть огонь на дальности гарантированного поражения.

— Есть.

Старший помощник стоял рядом с панелью ручного подрыва. Между ним и капитаном не было необходимости обсуждать дальнейшие действия: два ключа, два кода, два человека, которые должны были одновременно подтвердить приказ. Это правило придумали много веков назад, чтобы один обезумевший командир не мог погубить корабль по собственной воле. Теперь Воронцову казалось почти смешным, что судьба нескольких тысяч человек все еще защищена процедурой, словно в происходящем оставалось место для ошибки.

— Сколько их осталось? — спросил он.

Старший помощник понял вопрос без уточнений.

— По последнему сводному докладу — две тысячи восемьсот сорок шесть живых. Но связь с девятью секторами отсутствует.

На момент выхода из базы на борту находились четыре тысячи триста двадцать два человека.

Капитан медленно закрыл глаза. Разница между этими числами была слишком велика, чтобы разум мог воспринять ее как количество отдельных смертей. Полторы тысячи чело-

век превращались в статистику вопреки любой человеческой воле, потому что представить полторы тысячи исчезнувших жизней одновременно было невозможно. Воронцов попытался увидеть их лица, но память подсовывала лишь отдельных людей: Жеребцова, молодого рулевого под форменной курткой, докторов, механиков, курсантов, женщину из школьного сектора, имени которой он даже не знал. Остальные растворялись в безликом числе, и капитан ненавидел себя за эту неспособность помнить каждого.

В школьном секторе Анна Морозова продолжала читать детям старую сказку. Она выбрала ее почти случайно, вытащив из памяти историю о мальчике, который долго искал дорогу домой и в конце концов обнаружил, что дом все это время шел рядом с ним. Когда-то эта сказка казалась ей красивой, теперь же каждое слово звучало насмешкой. Дети сидели вокруг, прижавшись друг к другу. Кто-то слушал, кто-то плакал, кто-то уже не понимал происходящего от усталости и засыпал, положив голову на плечо соседа. Восьмилетний мальчик с рисунком «Гелиоса» расположился ближе к двери и время от времени посматривал на нее, словно ожидал, что в любую минуту войдет отец и скажет, что тревога окончена.

Маленькая девочка с косами сидела у Анны на коленях. Она уже съела весь шоколад, вытерла испачканные пальцы о форменный рукав учительницы и теперь сонно водила ими по металлической пуговице.

— А когда мальчик вернулся домой, — читала Анна, стараясь не смотреть на хронометр, — он увидел, что дом ничуть не изменился, хотя сам мальчик стал старше и научился узнавать дорогу даже в самой густой темноте…

— Он правда вернулся? — спросила девочка.

— Правда.

— А мы вернемся?

Анна запнулась. Раньше она отвечала на этот вопрос без колебаний. Затем капитан произнес правду за нее, и теперь ложь казалась почти предательством, хотя правду ребенок все равно не мог принять.

— Не знаю, — сказала она наконец.

Девочка задумалась, принимая этот ответ с большей мудростью, чем ожидала учительница.

— Мама говорит, что взрослые тоже не все знают.

— Твоя мама права.

— А капитан знает?

Анна посмотрела на тусклый потолок, за которым находились десятки палуб, разрушенные коридоры, горящие отсеки и мостик с человеком, которому несколько тысяч людей доверили право решить, как они умрут.

— Капитан знает больше нас, — ответила она. — Но не все.

Девочка кивнула и снова положила голову ей на грудь. Через несколько минут ее дыхание стало ровным. Анна продолжила чтение, хотя буквы расплывались перед глазами, а рука, державшая терминал, дрожала все сильнее.

В госпитале доктор Белова уже не пыталась спасать всех. После объявления «Последнего часа» границы между пациентами изменились: теперь помощь требовалась не только тем, кого можно было вылечить, но и тем, кому оставалось несколько минут. Медики раздавали обезболивающие, садились рядом с умирающими, записывали их имена и последние слова. Кто-то просил передать родным любовь, кто-то — попросить прощения, кто-то вспоминал старые долги или смешные семейные тайны, словно смерть была дальней поездкой, перед которой следовало привести дела в порядок. Один пожилой техник, потерявший обе ноги, потребовал включить ему запись морского прибоя и умер, улыбаясь звуку волн, которых не слышал с детства.

Белова переходила от койки к койке, пока не почувствовала, что больше не способна произнести ни одного утешения. Она остановилась возле стены, сняла перчатки и увидела, что руки дрожат. Эти руки оперировали людей под обстрелом, работали при аварийном освещении, держали открытые артерии и останавливали сердца, чтобы затем запустить их снова. Теперь им больше нечего было делать.

— Елена Сергеевна, — позвала Марта.

Медсестра сидела рядом с молодой женщиной, прижимавшей к груди завернутого в одеяло младенца. Ребенок родился на «Гелиосе» всего три месяца назад и во время первого удара получил легкую травму, не представлявшую опасности. Его мать была тяжело ранена, но до сих пор оставалась в сознании.

— Возьмите его, — попросила женщина.

Белова подошла и осторожно приняла ребенка. Он был теплым, удивительно тяжелым и совершенно спокойным, будто весь хаос вокруг не имел к нему отношения.

— Его зовут Кирилл, — сказала мать. — Муж погиб в ангаре. Я не хочу, чтобы он остался один, когда…

Она не закончила.

— Он не останется, — пообещала Белова.

Женщина закрыла глаза, и на лице ее появилось облегчение. Это обещание доктор могла выполнить. Не спасти, не вернуть домой, а просто удерживать ребенка на руках до самого конца. В мире, где все великие задачи оказались невозможными, даже такая малая обязанность приобретала смысл.

Белова села на край койки. Кирилл открыл глаза, несколько секунд смотрел на нее мутным младенческим взглядом, а затем ухватился маленькими пальцами за край ее воротника. Доктор неожиданно подумала, что ему не доведется узнать ни собственного имени, ни лиц родителей, ни вкуса первого настоящего яблока. Он не сделает первого шага, не разобьет колено, не влюбится, не выберет профессию и никогда не спросит, почему звезды не падают с неба. Вся его жизнь должна была уместиться в три месяца и несколько последних минут на руках чужой женщины.

Белова прижала ребенка крепче и впервые за весь бой заплакала.

В центральном машинном отделении еще работали. Главный инженер погиб при уничтожении варп-контура, и командование приняла на себя его заместитель — молодая женщина по имени Ольга Тарновская, та самая специалистка, которую утром два механика собирались пригласить на свидание. Один из них теперь лежал под обломками силовой фермы, второй продолжал удерживать аварийный клапан, потому что автоматика не отвечала. Охлаждающая жидкость поднималась уже выше колен, воздух был горячим и влажным, а дозиметры давно подавали непрерывный сигнал опасности. Покидать отсек разрешили, но никто не ушел.

— Зачем мы это делаем? — спросил механик у клапана.

Он произнес вопрос без отчаяния, почти с любопытством. Давление в системе нужно было удерживать, чтобы реактор не разрушился раньше капитанского приказа, однако для людей в машинном отделении разница составляла лишь несколько минут.

Ольга пожала плечами.

— Потому что если отпустишь, нас убьет сейчас.

— А если не отпущу — чуть позже.

— Именно.

Механик обдумал ответ и усмехнулся.

— Убедительно.

— Я хороший командир.

— Вас назначили семь минут назад.

— И за семь минут я еще не потеряла ни одного подчиненного.

Они оба рассмеялись, и смех прозвучал странно среди аварийных сирен и грохота насосов. Возможно, именно поэтому люди не расходились. Работа позволяла шутить, спорить и подчиняться приказам, а значит, делала вид, будто мир все еще устроен правильно.

На мостике офицер наблюдения начал обратный отсчет до открытия огня. Абордажные суда приближались, выстроившись в широкий веер. Оставшиеся башни «Гелиоса» медленно поворачивались им навстречу, преодолевая сопротивление поврежденных механизмов. Воронцов положил здоровую руку на панель подрыва и почувствовал под ладонью холод металла.

До гарантированной дальности оставалось сорок секунд.

Тридцать пять.

Тридцать.

Именно тогда Рахманов заметил первую ошибку.

Он не сразу понял, что видит. Навигационная консоль показывала положение «Гелиоса» относительно звезд и вражеских кораблей, однако один из ориентиров сместился на несколько угловых секунд. Навигатор проверил систему, запустил коррекцию и решил, что поврежденный сенсор выдал неверные данные. Через мгновение сместился второй ориентир. Затем третий.

Рахманов нахмурился и вывел на экран данные с резервного массива.

Показания совпали.

— Остановите отсчет, — произнес он.

Офицер наблюдения не отреагировал, решив, что навигатор обращается к кому-то другому.

— Двадцать секунд до открытия огня.

— Я сказал, остановите отсчет!

В голосе Рахманова прозвучало нечто такое, что заставило всех повернуться. Старший помощник оторвал руку от ключа подрыва, Воронцов посмотрел на навигатора.

— Что происходит?

— Не понимаю.

— Это не доклад.

— Звезды меняют положение.

На мостике повисло молчание.

— Мы вращаемся, — предположил старший помощник.

— Нет. Наше вращение компенсируется системой наблюдения. Смещаются сами ориентиры.

— Все сразу?

Рахманов быстро увеличивал участки карты. На экране линии координат едва заметно изгибались, будто изображение проецировалось на неровную поверхность.

— Не все. Только те, что находятся впереди по курсу.

Воронцов подошел ближе.

— Гравитационное искажение?

— Возможно. Но источник должен быть настолько массивным, что мы заметили бы его раньше. И он не может появиться из ничего.

— В нашей сегодняшней ситуации слово «не может» уже не кажется надежным аргументом.

Офицер наблюдения снова посмотрел на тактический экран.

— Абордажные суда прекратили сближение.

— Что?

— Их двигатели работают, но расстояние не сокращается.

На центральной карте вражеские корабли действительно застыли. Красные отметки сохраняли скорость, их энергетические установки продолжали выдавать тягу, однако координ-

наты почти не менялись. Словно пространство между ними и «Гелиосом» растягивалось ровно настолько, чтобы свести движение к нулю.

— Они применяют какое-то оружие? — спросил старший помощник.

— Не похоже.

— Тогда почему остановились?

Ответ пришел с внешних камер. Изображение одного из абордажных судов увеличилось, и на мостике увидели, что корабль действительно продолжает разгон. Пламя двигателей било из кормовых сопел, маневровые блоки корректировали курс, но само судно оставалось почти неподвижным на фоне звезд. Еще более странным было то, что остальные корабли противника начали разворачиваться. Не для атаки и не для нового построения. Они пытались уйти.

— Они отступают, — тихо произнес офицер.

Воронцов смотрел, как вражеский крейсер включает маршевые двигатели на полную мощность, однако вместо ускорения лишь медленно ползет назад, словно увязнув в невидимой густой среде.

— Не от нас, — сказал Рахманов.

Навигатор указал вперед.

Все поняли одновременно.

Противник пытался удалиться от того, что находилось за «Гелиосом».

Капитан поднял взгляд к обзорному экрану. Сначала он не увидел ничего необычного. Черный космос, редкие звезды, обломки погибших кораблей, тусклое свечение далекой туманности. Затем Воронцов почувствовал странное раздражение, похожее на то, которое возникает, когда взгляд скользит по знакомой комнате и замечает перемену, еще не успев понять, какой предмет оказался не на своем месте.

Чернота впереди была неправильной.

Космос всегда казался пустым лишь тем, кто редко смотрел на него. Воронцов провел среди звезд большую часть жизни и знал, что настоящая пустота наполнена оттенками: далеким светом, облаками межзвездной пыли, тонкими различиями глубины. Теперь перед кораблем возник участок тьмы, в котором не было ничего. Не скрытых звезд, не едва заметного свечения, не ощущения расстояния. Он выглядел не частью космоса, а отверстием, проделанным в изображении Вселенной.

— Увеличить, — приказал капитан.

Камера подчинилась. Черное пятно приблизилось, но не стало четче. Его границы невозможно было различить: взгляд просто переставал понимать пространство, стоило ему приблизиться к этой области.

— Спектральный анализ, — сказал Рахманов.

— Нет отраженного излучения.

— Тепловой фон?

— Отсутствует.

— Не может отсутствовать.

— Я вижу то же, что и вы.

На нескольких панелях одновременно появились предупреждения. Гравитационные датчики регистрировали слабое возмущение, но не могли определить его направление. Показания менялись быстрее, чем система успевала их обрабатывать: сила воздействия то приближалась к нулю, то возрастала до величин, способных разорвать планету, однако на корабле ничего не ощущалось.

В узле связи Андрей услышал первые сообщения с других палуб. Люди спрашивали, почему прекратился обстрел и почему аварийные приборы показывают ошибки. Кто-то утверждал, что в иллюминаторах погасли звезды. Из наблюдательного отсека поступил доклад о необычном свете, хотя внешние камеры никакого света пока не фиксировали.

— Что у них происходит? — спросил Андрей.

Левин уже подключался к командному каналу.

— Не знаю. На мостике все говорят одновременно.

— Враг отошел?

— Пытается.

— Значит, появился наш флот?

Старший оператор посмотрел на него, и Андрей сразу понял, что надежда была напрасной.

— Нет, парень. Думаю, появился кто-то еще.

В этот момент общекорабельное освещение стало чуть ярче.

Изменение было едва заметным, но после долгого красного полумрака его почувствовали все. Аварийные лампы сохранили прежний цвет, экраны не увеличили яркость, однако помещение словно наполнилось тусклым серебристым сиянием, источник которого невозможно было определить. Оно не отбрасывало теней и будто проходило сквозь стены, мягко очерчивая края предметов.

Андрей протянул руку. Кожа казалась бледнее обычного, а по пальцам пробегали слабые искры, похожие на статическое электричество.

— Видите?

Левин кивнул. В его седых волосах мерцал серебряный ореол.

По внутренней связи посыпались новые сообщения. В машинном отделении охлаждающая жидкость начала светиться. В госпитале погасшие приборы сами включились, хотя не были подключены к сети. В школьном секторе дети увидели, как на стенах проступили длинные тонкие линии, напоминавшие трещины в стекле.

Маленькая девочка на руках Анны проснулась и посмотрела вверх.

— Тетя Аня, — прошептала она, — почему потолок светится?

Учительница подняла голову. По металлической переборке тянулась тонкая серебристая нить. Она проходила поверх панелей, пересекала лампы и крепления, но не выглядела ни царапиной, ни отражением. Анна осторожно коснулась ее пальцем и ничего не почувствовала.

— Не знаю, — ответила она.

Линия медленно поползла дальше.

В госпитале такая же нить прошла по полу между койками. Белова, все еще державшая младенца, смотрела, как она пересекает ножку медицинского стола и продолжается с другой стороны, словно металл не существовал. Один из раненых попытался наступить на нее, но линия осталась неизменной.

— Это трещина? — спросила Марта.

— В чем?

Медсестра не нашла ответа.

На мостике серебристые линии появились прямо на обзорном экране. Техник бросился проверять панель, но Воронцов уже понял, что экран не поврежден. Те же линии тянулись за ним — через кресла, стены, людей и сам воздух. Одна прошла сквозь грудь старшего помощника. Тот отшатнулся, инстинктивно прижав ладонь к мундиру, однако не почувствовал боли.

— Капитан… — выдохнул офицер наблюдения.

Воронцов смотрел не на линии внутри мостика, а вперед.

Серебряная нить появилась в космосе.

Сначала она была тоньше волоса и протянулась всего на несколько сотен метров, что на расстоянии казалось едва заметным отблеском. Затем начала расти, расходясь вверх и вниз. Она не испускала света в привычном смысле, но была видна отчетливее любой звезды, будто находилась не перед глазами, а непосредственно в сознании каждого, кто на нее смотрел.

Вражеские корабли открыли огонь.

Не по «Гелиосу».

Все их орудия разом ударили по серебряной линии. Лучи, ракеты и сгустки плазмы устремились вперед, и на несколько секунд космос вспыхнул ослепительным светом. Даже поврежденные сенсоры «Гелиоса» зафиксировали такую мощность залпа, которой хватило бы, чтобы уничтожить крупную орбитальную станцию.

Огонь достиг линии.

И исчез.

Без взрыва, без отражения, без какого-либо следа. Лучи просто обрывались там, где соприкасались с серебристым свечением, а ракеты пропадали целиком, словно никогда не существовали.

Вражеский флот продолжал стрелять. В этих залпах уже не было расчета или военной дисциплины. Противник, который несколько минут назад хладнокровно уничтожал человеческий конвой, теперь палил в пустоту с отчаянием загнанного зверя.

— Они боятся, — сказал старший помощник.

Воронцов не ответил. Его поразил не страх врага, а странное чувство, возникшее при виде бесполезной стрельбы. Всю жизнь люди представляли себе более могущественную силу как нечто, обладающее большим оружием, крепкой броней и быстрыми кораблями. Но настоящее могущество не нуждалось в защите. Оно просто не замечало выстрелов.

Серебряная линия стала шире.

По обе стороны от нее звезды начали изгибаться. Их свет вытягивался в длинные дуги, сходящиеся к центру, и космос напоминал теперь темное полотно, которое кто-то медленно тянул в разные стороны. На внешней обшивке «Гелиоса» вспыхнули разряды. Корабль задрожал, но это была не вибрация поврежденных механизмов. Дрожало само пространство вокруг него.

— Фиксирую изменение расстояний, — сообщил Рахманов. Голос навигатора был удивительно спокойным, почти отрешенным. — До ближайшего вражеского корабля было четырнадцать тысяч километров. Теперь приборы показывают двадцать две тысячи. Визуально он не удалился.

— Ошибка системы.

— Все системы выдают одинаковые данные.

— Тогда что это значит?

Рахманов посмотрел на капитана.

— Не знаю. Возможно, расстояние перестает быть постоянной величиной.

— Расстояние никогда не было постоянной величиной.

— Не в таком смысле.

Навигатор увеличил карту, и линии координат на ней изгибались уже настолько сильно, что перестали образовывать привычную сетку.

— Пространство не просто искривляется. Оно как будто… раскрывается.

Слово прозвучало на мостике почти непристойно, слишком простое для происходящего и потому пугающее.

Воронцов снова посмотрел вперед.

Серебряная линия действительно раскрывалась.

Две ее стороны медленно отходили друг от друга, и между ними возникала чернота, отличавшаяся даже от той неправильной тьмы, которую они заметили раньше. Человеческий глаз не мог удержать ее в фокусе. Стоило попытаться рассмотреть, что находится за линией, как начинала болеть голова, изображения расплывались, а память отказывалась сохранять увиденное.

Кто-то на мостике тихо застонал.

Молодой офицер, тот самый, что остался на посту, несмотря на дрожь, закрыл лицо ладонями.

— Я вижу дом, — прошептал он.

Старший помощник резко повернулся.

— Что?

— Там мой дом. На Земле. Утро. Мать открывает окно.

Воронцов посмотрел в раскрывающуюся трещину и увидел лишь бесформенную тьму.

— Отведите его от экрана.

Врач подошла к офицеру, но тот сопротивлялся.

— Подождите! Она меня видит! Господин капитан, она смотрит прямо на меня!

Его пришлось увести силой. Через несколько секунд другой человек на мостике произнес, что видит океан. Третий поклялся, будто за трещиной находятся звезды, расположенные так близко друг к другу, что между ними почти нет темноты. Сам Воронцов ничего не видел, кроме пустоты, но чувствовал присутствие чего-то огромного и древнего, не похожего ни на разум, ни на природное явление. Это ощущение не имело источника. Оно просто возникло внутри, как иногда возникает уверенность, что за спиной кто-то стоит.

В узле связи Андрей смотрел на серебряную линию, прошедшую через стену и остановившуюся прямо над его терминалом. Внутри свечения мелькали образы — настолько быстрые, что он не успевал понять, действительно ли видит их. Женское лицо. Желтый детский комбинезон. Комната, залитая утренним светом.

— Лена, — прошептал он.

Левин схватил его за плечо.

— Не смотри.

— Там моя жена.

— Там ничего нет.

— Я вижу ее.

— Ты видишь то, что хочешь увидеть.

Андрей попытался оттолкнуть старшего оператора, но Левин держал крепко.

— Отпустите!

— Послушай меня. Если эта штука умеет вытаскивать из головы самое дорогое, значит, ей нельзя верить.

— А если это правда?

Левин на мгновение ослабил хватку. В его собственных глазах отражалось серебряное сияние, и Андрей понял, что старший оператор тоже что-то видит.

— Тогда, — тихо сказал Левин, — нам обоим уже некуда спешить. Подождем и узнаем.

Слова подействовали лучше силы. Андрей перестал сопротивляться, хотя продолжал смотреть на линию. Образ исчез. Осталось лишь холодное серебро.

На корабле начиналась паника, но странная, лишенная привычного шума. Люди не бежали к спасательным капсулам и не пытались прорваться в защищенные отсеки. Они просто выходили в коридоры, смотрели на линии, проходящие через стены, и звали друг друга. Те, кто несколько минут назад готовился умереть, теперь снова боялись — не смерти, а неизвестности, которая вдруг оказалась ближе любой пули.

В школьном секторе серебряные нити покрыли потолок и стены целой сетью. Дети прижались к Анне, а она обнимала их, не зная, от чего именно пытается защитить.

— Это корабль ломается? — спросил мальчик с рисунком.

— Нет.

— Откуда вы знаете?

Анна посмотрела, как одна из линий проходит через ее ладонь.

— Потому что ломается не корабль.

Девочка с косами подняла голову и вдруг сказала:

— Звезды остановились.

Анна подошла к маленькому иллюминатору. В нем был виден кусок космоса и несколько точек далекого света. Они действительно казались неподвижными, хотя для глаза звезды всегда оставались неподвижны. Учительница уже хотела сказать ребенку, что та ошибается, но не смогла. В словах девочки содержалась странная правда, которую взрослый разум пока не умел выразить.

Не звезды перестали двигаться.

Остановилось само ощущение времени.

Корабельный хронометр продолжал отсчет, однако цифры на нем менялись неравномерно: одна секунда тянулась мучительно долго, следующая пролетала так быстро, что ее почти невозможно было заметить. В машинном отделении капля охлаждающей жидкости сорвалась с трубы и застыла в воздухе, затем вдруг оказалась на полу, хотя никто не видел, как она падала. В госпитале сердце одного из пациентов несколько секунд билось с невероятной скоростью, а затем вернулось к обычному ритму, не причинив ему вреда.

На мостике системы начали отключаться одна за другой. Не из-за повреждений — автоматика просто переставала понимать данные, поступавшие извне. Рахманов смотрел на экран, где значения скорости, массы и расстояния сменялись бессмысленными символами.

— Мы движемся, — произнес он.

— Двигателей нет, — напомнил старший помощник.

— Знаю.

— Тогда что движется?

Навигатор медленно поднял глаза.

— Не уверен, что мы.

Воронцов почувствовал едва заметный толчок. Он не был похож на ускорение, однако тело инстинктивно попыталось сохранить равновесие. За обзорным экраном вражеские корабли тоже начали смещаться. Одни уходили в сторону трещины, другие пытались развернуться, но все их движения постепенно подчинялись единому направлению.

К раскрывающемуся разлому.

— Они используют полную тягу, — сообщил офицер наблюдения. — Но их затягивает.

— Нас тоже?

— Да.

На схеме «Гелиос» медленно приближался к серебристой линии. Скорость была небольшой, но постоянно росла.

— Запустить носовые маневровые блоки, — приказал Воронцов.

— Они не изменят курс.

— Выполнять.

Уцелевшие двигатели ожили. Корпус «Гелиоса» содрогнулся, из носовых сопел вырвались струи плазмы, однако движение не замедлилось. «Гелиос» продолжал идти к трещине, словно пространство перед ним само становилось короче.

— Подрыв реактора? — спросил старший помощник.

Капитан посмотрел на панель.

Еще несколько минут назад решение казалось окончательным. Уничтожить корабль, чтобы не отдать людей врагу. Теперь враг отступал, абордаж был невозможен, а впереди находилось нечто, о чем они ничего не знали. Возможно, подрыв избавил бы людей на борту от участи хуже смерти. Возможно, лишил бы последнего шанса.

Воронцов всегда считал, что командир обязан принимать решения, даже не располагая полной информацией. Но существуют ситуации, в которых информации нет вовсе и любое решение превращается в разновидность веры.

— Отменить подготовку к подрыву, — сказал он.

Старший помощник не сразу убрал руку с ключа.

— Вы уверены?

— Нет.

— Тогда почему?

Капитан посмотрел на людей мостика, затем на серебристую бездну впереди.

— Потому что смерть мы уже выбрали. Она никуда от нас не денется. Посмотрим, что предлагает другой вариант.

Приказ передали по кораблю. Не все поняли его смысл, но новость о прекращении подрыва разошлась мгновенно. В машинном отделении Ольга Тарновская рассмеялась, узнав, что теперь им действительно нужно удержать реактор живым. В госпитале Белова крепче прижала ребенка. В школьном секторе Анна снова начала читать, потому что детям требовался знакомый голос.

Андрей смотрел на терминал. Защищенное хранилище аварийных маяков еще работало, и он внезапно активировал камеру снова.

— Лена, — произнес он, — я не знаю, увидишь ли ты первую запись. Не знаю, увидишь ли эту. Мы пока не умерли. Произошло что-то… странное. Враг больше не стреляет. Перед кораблем появилась какая-то трещина.

Он замолчал, пытаясь подобрать слова.

— Я сказал тебе не ждать меня. Наверное, это было правильно. Но сейчас мне почему-то кажется, что я поспешил. Так что… не удаляй первое сообщение. Просто считай, что я был напуган и говорил глупости. Я по-прежнему хочу домой.

Левин слушал, отвернувшись. Когда Андрей закончил, старший оператор включил собственную камеру.

— Нина, — сказал он, — небольшая поправка к предыдущему письму. Возможно, твой муж опять влез в неприятности, но пока еще не умер. Поэтому документы можешь не искать, сыновей не ругай и бутылку из верхнего шкафа без меня не открывай. Я вернусь и сам ее выпью.

Он отключил запись и выдохнул.

— Думаете, вернемся? — спросил Андрей.

— Нет.

— Тогда зачем сказали?

Левин пожал плечами.

— Умирать мы уже научились. Попробуем теперь пожить.

Трещина впереди продолжала раскрываться. Ее края расходились все дальше, и серебряные линии покрывали уже половину видимого космоса. Звезды за ними исчезали, но не гасли — казалось, их просто стирали одну за другой. Вражеские корабли приближались к разлому вместе с «Гелиосом». Один из них попытался уйти в варп, окружив себя знакомым свечением переходного поля, однако пространство вокруг судна мгновенно смялось. Корабль вытянулся в тонкую линию, затем вернулся к прежней форме и продолжил движение, будто попытки не было.

Расстояние сокращалось.

На мостике больше никто не говорил. Приборы перестали приносить пользу, приказы не могли изменить курс, и люди просто смотрели вперед. Серебряное сияние заполнило помещение. Оно ложилось на лица, стирало следы усталости и крови, делая живых похожими на призраков.

Воронцов подумал, что именно так, наверное, чувствовали себя первые люди, покидавшие Землю. Они тоже смотрели в неизвестность, не имея доказательств, что впереди существует путь. Разница заключалась лишь в том, что у них оставалась возможность повернуть назад.

У «Гелиоса» ее не было.

Когда до разлома осталось несколько сотен километров, пространство окончательно утратило глубину. Огромные вражеские корабли казались плоскими тенями, обломки исчезали, едва касаясь серебристого края, а сама трещина заняла весь обзорный экран. Она уже не напоминала линию. Перед «Гелиосом» открылась бездна, не черная и не светлая, лишенная цвета, расстояния и формы.

Несколько человек на мостике снова увидели свои видения. Молодой офицер перестал сопротивляться врачу и улыбнулся, глядя куда-то за экран. Рахманов прошептал имя давно умершего брата. Старший помощник произнес что-то на языке, которого никто не знал. Воронцов увидел «Гелиос» таким, каким тот был двенадцать лет назад: новый корпус, праздничные огни, экипаж в парадной форме и себя самого, еще не знающего, сколько имен ему предстоит запомнить.

Андрей увидел дочь.

На этот раз Алиса не была младенцем. Перед ним стояла девочка лет пяти, потом подросток, затем молодая женщина. Ее лицо менялось, сохраняя знакомые глаза, и в каждом возрасте она смотрела прямо на него, словно действительно знала отца.

— Я здесь, — сказал Андрей.

Он не понял, произнес ли это вслух.

В следующую секунду «Гелиос» коснулся края разлома.

Не было удара.

Не возникло перегрузки.

Просто передняя часть корабля исчезла.

На мостике погасли все приборы. Серебряный свет стал нестерпимо ярким, но люди не могли закрыть глаза. Время остановилось окончательно. Андрей одновременно находился в узле связи и дома, держал дочь на руках и видел ее взрослой, прощался с женой и еще только собирался познакомиться с ней. Воронцов был старым капитаном, молодым курсантом и мальчиком, впервые смотревшим на ночное небо. Белова держала младенца и чувствовала, как в ее руках проходит вся его непрожитая жизнь.

Потом исчезли звуки.

Затем ощущения.

Последней пропала память о том, что существовал мир, в котором все происходило правильно.

Тяжелый колониальный корабль «Гелиос», люди на его борту, вражеские корабли и обломки погибшего конвоя один за другим вошли в разлом. Серебряные края сомкнулись за ними без вспышки и грома, не оставив даже следа.

В системе Эридан-Шесть вновь зажглись звезды.

Космос обрел прежнюю глубину.

Гравитация, время и расстояние вернулись к своим законам, словно никогда их не нарушали.

На месте сражения остались лишь редкие обломки и несколько аварийных маяков, продолжавших передавать последние сообщения погибших. Ни один из них не содержал записи произошедшего перехода. Для внешней Вселенной человеческий конвой и уничтоживший ее флот исчезли одновременно, бесследно и навсегда.

Однако люди на «Гелиосе» не умерли.

По крайней мере, не все.

И когда первый из них снова открыл глаза, над кораблем сияли совершенно незнакомые звезды.

Глава IV. Новый рассвет.

Первым вернулся холод.

Он не обрушился внезапно и не заставил тело содрогнуться; наоборот, проникал медленно, почти осторожно, словно проверял, имеет ли еще право причинять боль человеку, который уже однажды простился с жизнью. Сначала Андрей почувствовал холод в пальцах, затем — под затылком, прижатым к твердому полу, потом различил слабое движение воздуха возле лица и понял, что дышит. Это открытие показалось настолько невероятным, что он не сразу решился сделать следующий вдох. Воздух вошел в легкие с сухим металлическим привкусом, обжег горло, вызвал болезненный кашель и тем самым доказал свое существование куда убедительнее любых приборов. Андрей попытался открыть глаза, но веки налились тяжестью, будто за время беспамятства кто-то заменил их тонкими свинцовыми пластинами. Несколько секунд он лежал неподвижно, прислушиваясь к себе, к кораблю и к той части сознания, которая настойчиво утверждала, что ничего этого быть не может.

Он помнил серебряный свет. Помнил лицо Алисы, меняющееся с невозможной быстротой, и собственные слова, произнесенные то ли вслух, то ли лишь в мыслях. Помнил, как передняя часть «Гелиоса» исчезла в разломе, как пропали звуки и ощущения, а последней растворилась уверенность в существовании мира, где вещи подчиняются понятным законам. После этого должна была наступить смерть — не торжественная, не страшная, а просто окончательная. Андрей уже принял ее, отпустил жену, попрощался с дочерью и даже успел пожалеть о том, что сделал это слишком рано. В существовавшем до разлома порядке вещей за подобным прощанием не полагалось пробуждения.

И все же он дышал.

Андрей наконец заставил себя открыть глаза. Над ним висел потолок центрального узла связи — тот самый, с темными ребрами силового каркаса, аварийными трубопроводами и панелью освещения, разбитой еще во время боя. Однако багровые лампы больше не горели. Помещение освещалось тусклым голубоватым светом, исходившим от нескольких уцелевших экранов и тонких полос резервной подсветки вдоль пола. Серебряные линии исчезли. Не осталось ни трещин, ни странного сияния, ни следов того, что совсем недавно стены корабля перестали быть преградой для явления, не признававшего саму материю.

Голова болела. Во рту чувствовался вкус крови. Андрей медленно повернулся и увидел Левина.

Старший оператор лежал между двумя креслами, раскинув руки, с закрытыми глазами и лицом настолько неподвижным, что первая мысль пришла сама собой. Андрей попытался позвать его, но из горла вырвался лишь хрип. Тогда он перевернулся на бок, подполз ближе и положил пальцы на шею старшего оператора. Пульс нашелся не сразу — слабый, редкий, но вполне настоящий.

— Левин… — прохрипел Андрей. — Товарищ старший оператор…

Левин не ответил. Андрей потряс его за плечо, сначала осторожно, затем сильнее. Человек, которого он уже успел мысленно похоронить, недовольно поморщился и открыл глаза.

— Не ори, — сказал он почти беззвучно. — Я тебя и так слышу.

Андрей рассмеялся. Смех тут же перешел в кашель, от которого заныли ребра и перед глазами потемнело, но остановиться он не мог. Он сидел на полу, задыхаясь, вытирая выступившие слезы, и смеялся не от радости — радость была слишком сложным чувством для человека, который еще не понимал, что с ним произошло. Это была реакция тела, внезапно обнаружившего, что оно не мертво, хотя уже подготовилось к смерти и теперь не знало, как относиться к собственному продолжению.

Левин приподнялся, оперся спиной о кресло и посмотрел на него.

— Если это загробная жизнь, — произнес он, — то организована она без фантазии. Могли хотя бы мебель поменять.

— Мы живы.

— Не спеши. Может, в аду всем сначала кажется, что они выжили.

— У вас есть пульс.

— В моем возрасте это еще ничего не доказывает.

Старший оператор говорил привычно, почти ворчливо, но Андрей видел, как дрожат его руки. Левин тоже боялся поверить. Надежда уже однажды умерла, и теперь ее возвращение воспринималось не как чудо, а как возможная ошибка, слишком жестокая, чтобы доверяться ей сразу.

В узле связи лежали еще четыре человека. Двое начали приходить в сознание самостоятельно, третья — молодая оператор Марина Жолобова — не дышала. Андрей и Левин попытались запустить ее сердце, хотя медицинский комплекс не отвечал, а аварийный реаниматор оказался разбит. Они работали вдвоем, сменяя друг друга, считая нажатия и вдыхая воздух в легкие женщины, которую оба знали лишь по имени и нескольким дежурствам. В прежней жизни Андрей, возможно, остановился бы после заключения врача. Теперь врача рядом не было, корабль молчал, а смерть уже однажды отступила, и потому им казалось почти оскорбительным позволить ей вернуться без борьбы.

Через несколько минут Марина судорожно вдохнула.

Она пришла в себя с криком, попыталась оттолкнуть Андрея и спросила, где находится. Левин ответил, что этот вопрос сейчас интересует всех, после чего снял с себя форменную куртку и подложил ей под голову. Четвертый человек — техник с тяжелой раной в груди — так и не очнулся. Его тело оставалось теплым, но пульса не было, и сколько бы Андрей ни прислушивался, жизнь в него не возвращалась. Разлом спас не всех. Возможно, он вообще никого не спасал, а лишь переместил корабль в другое место, оставив завершать начатое ранениям, пожарам и разрушенным системам.

Эта мысль заставила Андрея подняться.

Ноги едва держали. Искусственная гравитация работала, но казалась непривычно слабой, будто корабль еще не до конца вспомнил, как именно должен притягивать людей к палубе. Андрей добрался до главной консоли, перезапустил аварийное питание и некоторое время смотрел на экран, где медленно появлялись служебные строки. Бортовая сеть отвечала фрагментами. Центральный вычислитель находился в режиме восстановления, связь с большинством палуб отсутствовала, реактор работал на минимальной мощности, а системы жизнеобеспечения функционировали лишь в отдельных секторах.

— Внутренний канал, — сказал Левин, поднимаясь рядом. — Попробуй общий вызов.

Андрей активировал передатчик.

— Всем постам, говорит центральный узел связи. Подтвердите прием. Всем уцелевшим постам, подтвердите прием.

Ответа не было. Лишь ровный шум, слишком похожий на тот, что остался после гибели «Северного ветра».

Андрей повторил вызов.

— Центральный узел связи вызывает мостик. Мостик, ответьте.

Тишина.

Он переключал диапазоны, пытался выйти на госпиталь, машинное отделение, школу, спасательные посты. Ни один канал не отвечал. Корабль, еще недавно наполненный голосами тысяч людей, казался пустым. На мгновение Андрей ощутил почти физический страх: им могло лишь показаться, что выжил «Гелиос», тогда как на самом деле в бесконечном мертвом корпусе остались только несколько человек в узле связи.

Левин отстранил его от панели, снял защитную крышку и вручную замкнул резервный контур.

В динамиках треснуло.

— …тори вызов. Центральное управление вызывает все посты. Повторяю, центральное управление вызывает все посты…

Андрей узнал голос Рахманова.

Он закрыл глаза и несколько секунд просто слушал. Никогда прежде сухой, уставной доклад не звучал настолько прекрасно.

— Мостик, это узел связи! — крикнул он. — Мы вас слышим. Четверо живых, один погибший. Системы частично отвечают.

На другом конце возникла пауза.

— Узел связи, вас понял, — ответил навигатор, и его голос заметно дрогнул. — Записываю четверых живых. Восстановите внутреннее вещание. Нам нужно собрать данные по кораблю.

— Капитан?

Рахманов не ответил сразу.

— Капитан жив. Сейчас без сознания. Командование принял старший помощник.

Этого было достаточно.

Связь стала возвращаться медленно, как чувствительность в онемевшую руку. Сначала отозвался госпиталь. Голос Марты был тихим и прерывался помехами, однако она сообщила, что доктор Белова жива, часть медицинского персонала пришла в сознание, а среди пациентов есть как выжившие, так и умершие уже после перехода. Затем ответило машинное отделение. Ольга Тарновская говорила сквозь кашель и грохот работающих насосов, требуя немедленно прислать техников, потому что центральный реактор, вопреки всему, продолжал функционировать, но система охлаждения могла отказать в течение часа. Позже вышел на связь школьный сектор. Анна Морозова назвала число детей и взрослых, после чего попросила направить медика: несколько человек не приходили в сознание, а у одного ребенка начались судороги.

Каждый новый голос становился маленькой победой. Андрей отмечал уцелевшие сектора на схеме, и среди серого мертвого корпуса медленно зажигались зеленые точки. Их было недостаточно. Слишком многие отсеки молчали, слишком часто в ответ на вызов приходил лишь шум. Но «Гелиос» не был пуст.

Он был тяжело ранен, почти уничтожен и заброшен неизвестно куда, однако все еще оставался кораблем, населенным людьми.

Воронцов очнулся на мостике, когда врач пыталась вправить ему вывихнутое плечо. Боль вернула сознание резко, без перехода, и капитан инстинктивно попытался оттолкнуть женщину здоровой рукой.

— Лежите спокойно, — приказала она.

В иных обстоятельствах подобный тон в разговоре с капитаном мог бы показаться дерзостью. Теперь Воронцов лишь сжал зубы и позволил врачу закончить. Сустав встал на место с тупым щелчком, боль разлилась от плеча до пальцев, и лишь после этого капитан заметил, что находится не в кресле, а на полу между командной консолью и обзорным экраном. Вокруг лежали люди. Некоторые двигались, другие оставались неподвижными. Молодой офицер, перед входом в разлом видевший мать, сидел у стены и беззвучно плакал, глядя перед собой.

— Доклад, — произнес Воронцов.

Голос прозвучал слабее, чем ему хотелось.

Старший помощник подошел и опустился рядом на колено.

— Мы завершили… переход. Чем бы он ни был. Основные системы отключились, сейчас восстанавливаются. Связь с частью корабля установлена. Точное число выживших пока неизвестно.

— Противник?

— Сенсоры не работают.

— Визуально?

Старший помощник посмотрел на обзорный экран.

Тот был темным. Не потому, что погас: в левом углу продолжали светиться служебные обозначения. Внешние камеры передавали изображение, но вместо привычного звездного поля показывали почти полную черноту.

— Мы пока ничего не видим.

Воронцов позволил помочь себе подняться. Боль в груди не исчезла, сломанная кисть оставалась зафиксированной, а голова кружилась так сильно, что пришлось опереться о консоль. Однако капитан стоял. Этого было достаточно, чтобы мостик снова обрел центр.

— Включить внешние прожекторы.

— Господин капитан, они бесполезны в космосе.

— Я знаю. Выполнять.

На корпусе «Гелиоса» зажглись уцелевшие световые установки. Их лучи выхватили из темноты искореженные пластины брони, плывущие рядом обломки и часть разрушенной антенной фермы. Дальше свет терялся в пустоте.

— Где звезды? — спросил кто-то.

На экране действительно не было звезд.

Ни одной.

Воронцов смотрел в черноту и чувствовал, как внутри снова поднимается тот страх, который возник перед разломом. Люди привыкли считать космос темным, однако его темнота никогда не была абсолютной. Всегда существовал далекий свет, подтверждающий, что за пустотой находятся солнца, системы и миры. Без звезд пространство превращалось не в бездну, а в закрытую комнату без стен, в которой человек внезапно терял само представление о расстоянии.

— Камеры повреждены? — спросил капитан.

Офицер наблюдения проверил диагностику.

— Часть повреждена, но три независимых массива дают одинаковое изображение.

— Увеличить чувствительность.

Экран посветлел. В черноте появился слабый серый шум, затем несколько едва заметных точек.

— Есть источники, — сказал офицер. — Очень слабые.

— Звезды?

— Не уверен. Они слишком тусклые и расположены странно.

Рахманов, сидевший перед навигационной консолью с зафиксированной ногой, попытался построить карту. Система не смогла сопоставить обнаруженные объекты ни с одним известным звездным каталогом.

— Возможно, нас выбросило за пределы галактики, — предположил старший помощник.

— Тогда мы видели бы ее со стороны, — ответил навигатор. — И другие галактики тоже. А здесь почти ничего нет.

— Пространство между скоплениями?

— Даже там не бывает настолько пусто.

— Значит, сенсоры повреждены.

— Это наиболее разумное объяснение.

Рахманов произнес это без уверенности. После увиденного слово «разумное» уже не означало «верное», а лишь обозначало последнюю знакомую опору, за которую сознание цеплялось, чтобы не упасть в безумие.

Восстановление корабля началось прежде, чем люди успели понять, куда попали. Возможно, именно работа спасла их от паники. Приказы следовали один за другим: локализовать пожары, перекрыть поврежденные магистрали, восстановить кислород в жилых секторах, собрать раненых, проверить реактор, найти всех, кто еще мог отвечать. «Последний час» отменили официально, хотя никто не знал, наступит ли следующий. Уцелевшие возвращались на посты, поднимали товарищей, разбирали завалы и вновь подчиняли жизни правилам, от которых уже успели освободиться.

В школьный сектор первой добралась медицинская группа. Анна продолжала сидеть на полу, окруженная детьми. Несколько малышей спали, другие смотрели на вошедших медиков с настороженностью, словно боялись, что взрослые снова принесут плохие новости. Девочка с косами все еще держалась за пуговицу на форменном кителе учительницы.

— Мы живы? — спросил восьмилетний мальчик.

Врач остановился.

Он мог ответить просто. Мог сказать «да», однако после всего случившегося это слово требовало осторожности.

— Сейчас — живы, — произнес он.

Мальчик подумал и кивнул. Ему хватило.

— Значит, капитан все-таки нас вытащил.

Анна закрыла глаза. Она знала, что капитан не имел отношения к спасению, что корабль унесло неизвестное явление и что впереди может оказаться не жизнь, а лишь отсрочка. Но разрушать детскую веру не стала.

— Да, — сказала она. — Вытащил.

Мальчик поднял с пола тетрадь. Рисунок «Гелиоса» был помят, по кораблю проходила серебряная линия, случайно оставленная светом или рукой ребенка, и теперь казалось, будто нарисованный корабль летит сквозь трещину. Мальчик разгладил лист и прижал его к груди.

В госпитале Белова все еще держала младенца. Мать Кирилла умерла во время перехода — тихо, не приходя в сознание. Сам ребенок был жив, хотя медицинские датчики несколько минут показывали полное отсутствие сердцебиения. После пробуждения он заплакал так громко, что на него обернулся весь госпиталь. Этот обычный детский крик заставил людей улыбнуться. Белова никогда не считала плач младенца красивым звуком, но теперь слушала его как доказательство того, что смерть не получила всего, на что рассчитывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.